ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 87 (3116) Четверг, 23 июля 1953 г. Цена 40 коп.

В ОДНОМ ПОДМОСКОВНОМ КОЛХОЗЕ

В цехе тихо и пусто, солнечные зайчики играют на вымытых цементных полах. Стены, окна, аппаратура блестят чистотой и свежестью. Люди только что были здесь, все приготовили и ушли в душевую.

Это — доильный цех колхоза имени Молотова. Он построен весной этого года и, по выражению Героя Социалистического Труда доярки Прасковьи Сергеевны Новиковой, «крепко-накрепко пришелся к сердцу». Цех небольшой. Он соединяет два скотных двора, расположенных рядом.

Середину цеха занимают двадцать легких станков из гнутых труб. Над ними идут две трубы, по которым вакуумнасос подает воздух. Рядом стеклянный провод для молока. На одном уровне с ним — герметически закрытые стеклянные цилиндры — подойники. У каждого станка на крюках висят по четыре соединенных вместе блестящих металлических стакана. И еще — электрокипятильник, небольшой бак, повешенный у потолка.

Рядом — подсобные помещения: молочное отделение, моечная, здесь же комната отдыха доярок, душевая, кабинет зоотехника.

Прасковья Сергеевна проверила доильную аппаратуру. Из душевой вышли пять девушек. Одна из них, доярка Нина Васильевна Никитина, осталась в цехе. Четыре других доярки-санитарки ушли на скотный двор.

На дворе лежат в стойлах чернопегие холмогорки. Дойка производится по строгому графику, животные привыкли к нему. Появились санитарки, и на дальнем конце двора встали две коровы. Скотники отвязали их.

Маруся Пузанкова и Ира Серебрякова — обе в серых халатах и резиновых сапогах — принялись за работу. Несколько легких и быстрых движений, и пневматическая щетка-пылесос очистила корпус коровы от пыли. Небольшой круглой пластмассовой лейкой, прикрепленной к резиновому шлангу, девушки вымыли вымя и руками промассировали его. Тогда две другие девушки-санитарки выпустили холмогорок из станков и отвели в доильный цех.

Прасковья Сергеевна подошла к заведенной в станок «Лысенке»,— рекордистке колхозного стада, повернула краник вакуумпровода и неуловимо быстрым движением надела доильные стаканы. Раздались приглушенные резиной ритмичные удары пульсатора, с каждым его ударом и с тем же ритмом в подойник побежало молоко. Закончилась дойка, поворот рычажка, и молоко из подойника побежало по стеклянному проводу в молочное отделение. Там оно пройдет через охладитель и попадет в бидоны.

Две доярки в белоснежных халатах неторопливо переходят от одного станка к другому. Тишину нарушают только равномерное хлопанье металлических пульсаторов, иногда шумно вздохнет корова, и вполголоса перебросятся словом доярки. Вместе с Прасковьей Сергеевной мы ходим от станка к станку. Она знакомит с процессом дойки.

— Во время дойки руки к корове не прикасаются, — говорит она.— Бывало, мы на ферме—с утра до ночи. А теперь—отработали восемь часов и сдавайте смену! Я уж забыла, как жмых молотком долбили, а корнеплоды ножом резали. Корма нам подают тоже из кормового цеха, вагонетка к самому стойлу подходит.

— Доильный цех,— продолжает Прасковья Сергеевна,— гордость нашего колхоза. Дело новое, большое. Думаю, оно скоро станет достоянием многих колхозов.

Доярка отключила доильный аппарат, выпустила молоко из подойника и взглянула на часы. Две доярки подоили сто пятьдесят коров за полтора часа!

А. ФОМИЧЕВА

Колхоз имени МОЛОТОВА, Раменский район, Московской области.

В МИРЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Торжество жизни

Весной в Киеве побывала делегация китайских физиологов. Зарубежные ученые, знакомясь с работой Института физиологии Академии наук УССР, с удовольствием приняли предложение посетить лабораторию профессора Н. Сиротинина и присутствовать на эксперименте по оживлению организма собаки. Опыт проводил проф. В. Янковский.

— Сколько времени будет продолжаться у животного состояние клинической смерти? — поинтересовался профессор Шэнь Ци Чжэнь. — Три, пять минут?

— Нет, минут десять, а то и больше, — ответил проф. В. Янковский.

— Больше десяти? — гости переглянулись.

Несколько дней назад, побывав в лаборатории, я мог убедиться, что «Чайна», веселая черная собачонка, с отвисшими ушами и кривыми лапами таксы, та самая «Чайна», которая по всем законам физиологии десять минут была клинически мертва, совершенно здоровая, резвится в виварии института.

15 июля проф. В. Янковский повторил свой эксперимент — 554-й по счету — в присутствии группы киевских ученых. Опыт наблюдали член-корреспондент Академии наук Украинской ССР Н. Медведева, доктор медицинских наук проф. Ю. Вороной, кандидат биологических наук И. Торская и другие.

...Рядом со сверкающими цилиндрами «искусственного сердца»—«искусственные легкие», высокий стеклянный сосуд, где венозной кровь животного предстоит насыщаться кислородом. Подальше — записывающий прибор — кимограф. На его черной ленте тонкие перья чертят кривые дыхания и кровяного давления. Экспериментатор соединил шейные вену и артерию собаки с автожектором — своеобразным насосом, который, подобно сердцу, способен перекачивать кровь по сосудам.

13 часов 54 минуты. Включается автожектор, который отсасывает у собаки кровь, собирая ее в «искусственные легкие». Падает давление крови, ослабевает дыхание.

— 13 часов 58 минут! — громко произносит лаборантка.

Животное делает последний вздох и затихает. Самописцы на черной ленте чертят унылую прямую смерти. В операционной воцаряется тишина. Утих гул автожектора. Молчат ученые, осматривающие животное. Да, это клиническая смерть: сердце и легкие не работают, взгляд остекленел, рефлексы отсутствуют. Лишь где-то в глубине этого недвижного тела незримо теплится жизнь. Клиническая смерть—преддверие подлинной гибели организма. Сердце, легкие, мозг уже прервали свою деятельность, но клетки и ткани их еще живы. Пройдет некоторое время, и начавшийся распад станет необратимым; первыми погибнут клетки коры головного мозга.

Прошло уже десять минут смерти животного. 14 часов 08 минут. Проф. В. Янковский включает автожектор.

Горячий алый поток беспрерывно бежит по сосудам, но сердце еще неподвижно. Омыв ткани и органы, кровь, теперь уже венозная, темная, возвращается по трубам в стеклянные «легкие». Отсюда, насыщенная живительным кислородом, вновь уходит в глубины тела. Уже пять минут работает автожектор.

И вдруг — вдох! В протоколе опыта появляется короткая запись: «Начало второй жизни». За первым вдохом следует второй, дыхание собаки восстанавливается, но до полной победы над смертью еще очень далеко. Постепенно, медленно оживает центральная нервная система.

Только через 1 час 21 минуту после начала оживления заработало сердце животного. Когда в груди собаки раздался его ясный и ровный стук, механический помощник — автожектор—был остановлен. Ассистент наложил швы, лаборантка завернула возвращенную к жизни собаку в теплое одеяло, — опыт кончился.

Опыты с оживлением организма давно уже ведутся в разных лабораториях нашей страны. Много лет работает в этой области коллектив московских ученых, возглавляемых лауреатом Сталинской премии проф. В. Неговским. Его метод уже применяется в клинических условиях. Сотням людей возвращены жизнь после пяти-шести минут клинической смерти. Проф. В. Янковскому, проводящему пока опыты на животных, удавалось оживлять их на 12-й, 13-й и даже 16-й минуте! Часть животных погибала, но многие выживали, сохраняя все основные функции коры головного мозга. Это, видимо, означает, что животный организм и его центральная нервная система значительно дольше сохраняют способность возвращаться к жизни после периода клинической смерти, чем думали до сих пор.

Немалую роль в успехе проф. В. Янковского играет умелое использование им автожектора — аппарата, сконструированного советским ученым С. Брюхоненко, и «искусственных легких» его собственной конструкции.

— Первые успехи оживления животных,— сказал присутствовавший на опыте проф. Ю. Вороной,— порождают у нас, врачей, надежду на то, что эксперименты эти через некоторое время послужат к спасению и человеческой жизни. Уже сейчас проф. В. Янковский готовится применить автожектор для возвращения жизни новорожденным, погибающим от асфиксии (удушения).

Описанные выше опыты важны не только для оживления. Автожектор и «искусственные легкие» можно успешно применять при операциях на сердце, в случаях шока, потери крови, агонии и т. д.

Собака, пережившая 15 июля клиническую смерть в течение десяти минут, находится под постоянным наблюдением физиологов. Уже на третий день у животного восстановились все функции. Сейчас собака видит, слышит, играет, с аппетитом ест.

М. ПОПОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

КИЕВ

Воспитание мужества

ЗАМЕТКИ О ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЯХ

Юрий ЯКОВЛЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

В траву летит бескозырка с золотой надписью «Красин», за ней следом — белая матроска с синим воротником, полосатая тельняшка. Загорелый, крепкий мальчик забирается на старую иву, поникшую над серебристой водой пруда. Ветер развевает его жестковатые каштановые волосы. Лицо смуглое, глаза синие. Между бровей две серьезные складки. Мальчик посмотрел вниз. Нырять? Страшно... Но мгновенье— и ветка закачалась: мальчик прыгнул в воду.

Все это произошло за каких-нибудь двери секунды, но сколько напряженной внутренней борьбы вместил в себя этот небольшой отрезок времени! Смелость рождается в преодолении страха. Это отлично понимал загорелый крепыш, который первым среди своих товарищей отважился спрыгнуть с ивы в пруд.

Об этом мальчике в бескозырке я много слышал в Ульяновске. Мне рассказывали о том, как он однажды провел своих друзей через лес, не боясь заблудиться; как он, мечтая стать моряком, по часу держался на воде. Этот мальчик упорно воспитывал в себе волю, учился смелости. Он был воспитанником одного из ульяновских детских домов. Звали его Александр Матросов.

Когда знакомишься с детскими годами героя, невольно задумываешься над тем, как сегодня воспитывается воля, выносливость, смелость у наших ребят. Я побывал во многих пионерских лагерях, расположенных неподалеку от тех мест, где кончалось детство и начиналось отрочество Александра Матросова. Беседуя с вожатыми, я ждал рассказов о том, как добиваются они успехов в формировании важных качеств характера: смелости, мужества. Странно было убедиться в том, что разговора на эту тему не получалось.

В пионерском лагере фабрики имени Гладышева, в котором собрано около пятисот ребят текстильщиков, беседуем со старшей пионервожатой Л. Логиновой.

— Как мы воспитываем смелость?.. По плану проводим беседы, водим ребят в походы...

Походы! Это уже интересно! Где, как не в походном марше, воспитываются качества, делающие человека сильным! Горы и леса, поля и овраги... Вожатая рассказала, как ребята с заплечными мешками вышли из лагеря. Они несли продукты и одеяла для ночлега. Поход длился два дня. Ребята ночевали под открытым небом, у костра...

Нет, положительно это интересно! Так думал я, пока нечаянный разговор с одним из пионеров не внес в это дело разочаровывающую ясность. Невысокий паренек не сразу ответил на вопрос, понравился ли ему поход. Переминаясь с ноги на ногу, оглянувшись на товарищей, он наконец сказал:

— Хорошо, что хоть ночью костры жгли...

— А устал в походе?

— Какой там устал! Ведь мы прошли всего семь километров.

Оказалось, что это был не настоящий поход, когда жжет солнце и хочется пить, когда тянет в прохладную тень, а надо итти вперед, когда усталые ребята мобилизуют всю свою выносливость и идут, гордые тем, что выдерживают это испытание, — это был не поход, а хорошо обставленная игра в поход. Такая игра, конечно, не могла удовлетворить ребят, она показалась им в лучшем случае забавой, и только.

Часто с ребят строго взыскивают за различные проступки, не задумываясь над природой этих проступков. А ведь если разобраться посерьезней, то порой нарушают нормы поведения не потому, что так уж хочется набезобразничать. Нет, это богатая ребячья натура, наделенная огромным запасом энергии и смелым воображением, требует серьезного и необычного дела. И когда воспитатели не находят выхода для живого детского задора, не умеют направить его,— тогда возникают проступки.

Об этом писалось много раз. И, пожалуй, тут не найдешь себе оппонентов. Да вот беда: простая правда этой мысли не находит применения в практике многих пионерских лагерей.

Ограничения для пионеров принимают иногда просто уродливые формы. Вспоминается один из сталинградских пионерских лагерей, где на реке Ахтубе для купания ребят был сделан деревянный ящик— садок. «Нам так спокойнее», — объясняли взрослые. Воспитателям спокойнее, а детям?

Когда высказываешь эти мысли работникам пионерских лагерей, они говорят:

— Вы забываете об ответственности. Мы отвечаем за жизнь каждого ребенка.

Да, об этой ответственности вожатые и воспитатели должны постоянно помнить. Но нельзя забывать и о высокой ответственности за воспитание наших детей бодрыми, смелыми и выносливыми. Как совместить эти две задачи?

В Верхне-Акшуатском пионерском лагере я наблюдал, как ребята купались в пруду. Когда они один за другим бросились в воду, спокойно беседовавший со мной физрук Гумер Сабиржанов преобразился. Он стал отвечать невпопад, потом совсем замолчал. Я понял, что он напряженно следит за купающимися. Вот один мальчик отделился от других и поплыл к противоположному берегу пруда. Тогда физрук вошел в воду. Я думал, что он окликнет мальчика и вернет его. Но этого не произошло. Сабиржанов поплыл следом за маленьким пловцом, даже не пытаясь догнать его. Когда мальчик добрался до берега и победоносно оглянулся на своих товарищей, он увидел рядом с собой физрука.

— А я быстрее вас, — сказал мальчик с улыбкой, вытирая мокрое лицо тыльной стороной ладони. На протяжении всего пути мальчик не знал, что за ним плывет взрослый человек, готовый в любую минуту прийти на помощь. Мальчик плыл, надеясь только на свои силы.

Очень важно оставить подростка как бы наедине с трудностью, а порой даже с опасностью. Пусть он борется сам. Но — ни на минуту не выпускать его в это время из поля зрения. Незримая страховка старшего должна лишь сопутствовать ребенку.

Некоторые работники пионерских лагерей словами об ответственности прикрывают неумение поставить воспитание смелости и выносливости. Порой за этим оправданием кроется просто трусость. А воспитывать в ребенке смелость может только мужественный человек.

В пионерском лагере фабрики имени Гладышева нам встретился энтузиаст своего дела — физрук лагеря Петр Андреевич Казаньев.

— Даже робкого мальчика, — говорит он, — можно увлечь на смелый поступок.

Однажды Петр Андреевич взял длинный шест и на виду у всех перемахнул через высокий гимнастический забор. Это произвело на ребят большое впечатление. Многие потянулись было к шесту, но прыжок не получался. Взялся за шест и невысокий мальчик Коля Крестелев. Он разбежался и сделал сильный прыжок, но ему стало страшно, он как будто сразу погрузнел в полете, и ничего не получилось. После этого случая физрук замечал, что, когда ребята уходили, Коля брался за шест. И вот однажды, собрав всю свою волю, мальчик перемахнул через забор. Потом он повторил свой прыжок в присутствии ребят. Страх пропал. Но пропал он не у одного только Коли. Его победа над страхом передалась и другим ребятам. Один за другим они стали преодолевать препятствие.

— Каждый, проявивший себя смелым, ведет за собой десять новых смельчаков, — говорит Петр Андреевич.

Во многих пионерских лагерях физруки являются энтузиастами воспитания у детей воли, смелости, выносливости. Но весь коллектив воспитателей, перепоручая это важное дело физруку, забывает, что один— без поддержки воспитателя и вожатого — он вряд ли достигнет многого.

В этом году в пионерских лагерях Ульяновской области подавляющее большинство вожатых и воспитателей — студенты областного педагогического института. Это девушки, влюбленные в свою будущую специальность, но, к сожалению, еще не имеющие даже элементарных навыков в работе с детьми.

В Акшуатском лагере я беседовал с вожатой 5-го отряда Валей Кудряшовой.

У Вали очень много трудностей в работе. Воспитательница отряда помочь ей не может, потому что она, как и Валя, студентка 2-го курса и никогда с детьми не работала. И хотя девушки почтительно называют друг друга по имени-отчеству и согласно форме одна — вожатая — носит красный галстук, а другая — воспитательница — ходит без галстука, обе девушки одинаково неопытны. Им трудно приходится с ребятами, и уж, конечно, воспитание воли, смелости, выносливости выпадает из их поля зрения.

Ульяновский педагогический институт послал в этом году на практику в лагери многих студентов. Но почему-то ни в один лагерь не направил опытных методистов, которые помогли бы молодым воспитателям. Отчего это произошло? Может быть, из-за недосмотра директора института или облоно? Нет, дело здесь посерьезнее.

Коммунистическое воспитание — не ряд отдельных «мероприятий», а большой, сложный **единый** процесс. Главное звено в нем — школа, но школой дело не ограничивается. Летом на смену школе приходит пионерский лагерь. Непонятно, почему многие работники народного образования вычеркнули это звено из воспитательного цикла.

— В лагере дети отдыхают, — говорят они.

— Для нас главное, чтобы дети поправились, отдохнули! — вторят им руководители пионерских лагерей.

И получается так, что пионерские лагери превращаются в дома отдыха для детей, постепенно отказываются от своей главной задачи — воспитывать сильное, мужественное, смелое поколение. Это несовместимо с замечательной традицией, рожденной под парусиновым пологом палаток первых пионерских лагерей.

...Много лет назад, когда ряды юных ленинцев еще только росли и крепли, появились первые пионерские лагери. Тогда еще не было празднично украшенных автобусов — ребята шли в лагери походной колонной; тогда еще не было великолепных дач — ребята жили в простых палатках; тогда еще не было в лагере обслуживающего персонала, а было лишь несколько комсомольцев-вожатых. Лагери возникали там, где их разбивали сами пионеры, все в этих лагерях держалось на ребячьей самодеятельности. И они — эти лагери — были настоящей школой мужества. Ребята возвращались домой возмужавшими, физически и духовно обогащенными.

Разве можно забывать о лучших традициях этих лагерей!

Жизнь наша с каждым днем становится краше. У нас есть богатейшие возможности, чтобы обеспечить прекрасный летний отдых детей. И это очень хорошо. Но разумно ли отказываться от школы мужества, какой должен быть каждый пионерский лагерь?

УЛЬЯНОВСК

Творческие отчеты украинских писателей

КИЕВ. Из поездки по западным областям республики возвратилась бригада Союза советских писателей Украины, в составе которой были В. Сосюра, Л. Дмитерко, О. Вишня, О. Ющенко, Ф. Макивчук и А. Косматенко. Они побывали в Дрогобыче, Станиславе, Львове, Ровно, Черновцах и других городах и селах. На предприятиях, в колхозах, учреждениях и учебных заведениях члены бригады встречались с читателями, ознакомили их с новыми своими произведениями, делились творческими планами.

Украинские писатели регулярно выступают с творческими отчетами перед своими читателями. Недавно в Виннице побывали М. Нагнибеда, Л. Забашта, В. Швец, В. Кучер.

В городах и селах республики на встречах с читателями выступали П. Тычина, М. Бажан, М. Рыльский, О. Гончар.

В этом году с творческими отчетами перед читателями выступили сорок писательских бригад. Они провели 120 встреч, на которых присутствовало свыше 35 тысяч рабочих, служащих, колхозников, учащихся.

Колхозники сельскохозяйственной артели имени Ленина, Уманского района, Киевской области, оборудовали механизированный ток. Здесь механически производится очистка, взвешивание, транспортировка и погрузка зерна в автомашины. Пропускная способность тока — 600 центнеров зерна в смену. Его обслуживают 5—6 человек. НА СНИМКЕ: механизированный ток в колхозе.

Фото В. СЫЧЕВА

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ЕДИНСТВА ГЕРМАНИИ

Совет министров Германской Демократической Республики сделал важный шаг по пути обеспечения мира и единства Германии. Как известно, 15 июля правительство ГДР выразило готовность вступить в переговоры с полномочными представителями Западной Германии о подготовке мирного воссоединения Германии путем свободных общегерманских выборов и о скорейшем заключении мирного договора с Германией. 20 июля президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик выступил с призывом к практическим действиям во имя единства Германии.

Предложения правительства ГДР находят самую широкую поддержку трудящихся Германской Демократической Республики. Вот несколько характерных высказываний. «Мы, рабочие, отвергаем такой метод решения германского вопроса, который пытался применить Аденауэр 17 июня. Мы—за путь мирных переговоров», — заявил горновой Готтлиб Клабес с прокатного завода в Кирхмезере. «Сейчас, когда в Западной Германии идет борьба в связи с выборами в боннский парламент, для западногерманского населения очень важно знать, что правительство Германской Демократической Республики, вопреки всем провокациям поджигателей войны, непоколебимо придерживается того мнения, что взаимопонимание, требование общегерманских выборов и скорейшее заключение мирного договора являются важнейшими принципами современной политики», — сказала заместитель председателя окружного совета мира города Карл Маркс-штадт доктор Мендте. В письме на имя премьер-министра Отто Гротеволя собрание квартиросъемщиков на Тальштрассе (Клингенталь) благодарит правительство за новую инициативу. «Мы выражаем полное доверие нашему правительству, — говорится в этом письме, — и убеждены в том, что его призыв к объединению Германии будет услышан и на Западе нашей родины и что на основе общегерманских переговоров и свободных общегерманских выборов можно быстро восстановить единство Германии».

Инициатива правительства ГДР встретила горячий отклик по всей стране. Эту инициативу поддерживают широкие круги общественности в Западной Германии. За воссоединение страны на мирной, демократической основе высказываются сейчас представители самых различных слоев населения.

Мюнхенский адвокат Людвиг Гельбе заявил: «Немцы, за один стол!» — таково требование, которое имеет важное значение для немцев, пока Германия остается расколотой на две части. Кто в наше время отклоняет идею созыва общегерманского совещания, тот только доказывает, что он является агентом иностранной державы и ставит иностранные интересы выше собственных национальных интересов».

«Немцы, за один стол!»—таково желание как на Востоке, так и на Западе Германии», — сказал муниципальный советник из Эрбаха Иозеф Линдеман.

«Лучше сегодня, чем завтра, по моему мнению, должны состояться переговоры между представителями Западной и Восточной Германии, — говорит мастер Алоиз Фусс из Обераммергау.— Я уверен, что только в объединенной Германии старое изречение «у ремесла золотое дно» снова полностью приобретет все свое значение. Теперь у меня дела таковы. Цены на сырье и материалы очень высоки. Почему? Военное производство настолько подняло цены на сырье, что для моей небольшой слесарной мастерской они недоступны... Когда будет восстановлена единая Германия, тогда раз и навсегда будет покончено с кабальными военными договорами и у нас будет много сырья для мирной промышленности и ремесла, а соответственно и много заказов. Я выступаю за то, чтобы немедленно принять новые предложения правительства ГДР».

В создании единого, демократического и миролюбивого германского государства жители Западной Германии видят реальный путь к миру, улучшению экономического положения, повышению жизненного уровня населения. Директор лесопильного завода «Этталь» в Верхней Баварии Николаус Кегелмайер заявляет: «Своим предложением немедленно созвать общегерманское совещание правительство ГДР высказало то, что было на устах у миллионов немцев как на Востоке, так и на Западе... В течение нескольких месяцев, если уже не лет, мы не можем сбывать пиленый лесоматериал по приемлемым для нас ценам, несмотря на то, что это материал лучшего качества. В то же время Восточная Германия испытывает нужду в лесоматериалах. Межзональной торговле поставлены нетерпимые ограничения. И все это происходит в ущерб нашему хозяйству. Поэтому лозунг «Немцы, за один стол!» является также и моим лозунгом».

Мюнхенский экономист д-р Вильгельм подчеркивает: «Восьмилетний раскол Германии создал невероятные трудности в экономике обеих частей страны. Я готов поддерживать любое мероприятие, которое восстанавливает нормальное экономическое развитие общенациональной экономики. По поводу предложения правительства Германской Демократической Республики о созыве совещания представителей Западной и Восточной Германии я скажу, что это нужное слово в самый подходящий момент».

Все честные немцы поддерживают инициативу правительства ГДР. Патриотические силы видят, что курс правительства Аденауэра, направленный на осуществление военных договоров, ведет к углублению раскола страны, к превращению ее западных областей в реваншистское милитаризованное государство.

Аденауэр увиливает пока от прямого ответа. Однако, как сообщают иностранные агентства, в боннских «авторитетных правительственных кругах» заявили, что западногерманское правительство намерено «игнорировать» обращение правительства ГДР и призыв Вильгельма Пика к переговорам. Следует подчеркнуть, что 6 сентября состоятся выборы в боннский парламент. Сейчас в Западной Германии предвыборная кампания находится в полном разгаре. Клика Аденауэра пытается спекулировать на идее единства, и Аденауэр становится в позу «поборника» этой идеи. Но разве не очевидна фальшь предвыборного маневра Аденауэра? Уже тот факт, что в Бонне до сих пор остаются глухи к призыву правительства ГДР, получившему одобрение всех честных немцев, говорит сам за себя. Он показывает в истинном свете правительство Аденауэра, разоблачая его как противника мирного воссоединения Германии.

Н. БЕРНИКОВ

БЕРЛИН, 22 июля. **(По телефону)**

„Динамо“—„Юргорден“

Растет количество встреч советских спортсменов со спортсменами зарубежных стран. В январе нынешнего года у нас гостили шведские конькобежцы. С ответным визитом в Швецию ездили наши скороходы. В числе баскетбольных команд, оспаривавших в Москве первенство Европы, были и шведские баскетболисты. Недавно из Швеции возвратились советские легкоатлеты, они участвовали в товарищеской встрече, устроенной в ознаменование 700-летия Стокгольма. И, наконец, вчера на московском стадионе «Динамо» состоялся товарищеский футбольный матч между командами «Юргорден» (Стокгольм) и «Динамо» (Москва).

Матч начался необычно. На второй минуте Б. Ивергрен, отбивая мяч, направил его в собственные ворота. Правда, позже этот же Ивергрен грудью вынес мяч с линии ворот и спас свою команду от верного гола. За двенадцать минут до перерыва центр нападения динамовцев С. Коршунов увеличил счет до 2 : 0.

Вскоре после начала второй половины игры динамовец В. Бузунов забил третий мяч. Но счет 3 : 0 динамовцам не удалось удержать. С одиннадцатиметрового штрафного удара швед Б. Стенман забивает мяч. А вскоре защитник «Динамо» А. Родионов сильным ударом посылает мяч... в собственные ворота. Счет стал 3 : 2. Незадолго до конца встречи С. Сальникову красивым ударом удалось забить четвертый и последний мяч. Так сложился счет в этом товарищеском международном матче.

Шведские футболисты хорошо владеют техникой. Они умело обращаются с мячом, но уступают динамовцам в быстроте и стремительности атак. Нужно отдать должное вратарю А. Арвидссону, который своей расчетливой и смелой игрой спас команду от более крупного счета.

ПИСЬМО ИЗ ЛИТВЫ

О НАШЕЙ ГАЗЕТЕ

Теофилис ТИЛЬВИТИС

Литовская литература за последние годы выросла и окрепла. Поэзия, проза, литература для детей завоевали прочное читательское признание. Но мастерство литовских литераторов развивалось бы еще интенсивнее, если бы нам больше помогала литературная критика не только в лице профессиональных критиков, но и в лице опытных прозаиков, поэтов и драматургов.

В том, что помощь критики слаба, легко убедиться, читая последние номера газеты **«Литература ир Мянас»** («Литература и искусство»), органа ССП Литвы.

Казалось бы, кому-кому, как не писательской газете, надлежит непосредственно участвовать в литературном процессе, быть его направляющей, организующей силой, трибуной, с которой звучат страстные, глубокие, принципиальные высказывания писателей и критиков!

Назрело много вопросов, требующих откровенного, принципиального разговора и смелых творческих дискуссий. Мы, литовские писатели, еще недостаточно глубоко поняли метод социалистического реализма, недостаточно разобрались в вопросах языка, стиля. Касаясь проблемы типического, мы часто ограничиваемся повторением положений, уже разработанных в центральной печати, и не стараемся развивать эти положения, ставить их в живую связь с конкретными фактами литовской литературы. Какие первоочередные задачи стоят перед нашей лирикой? Что такое конфликт в поэзии? Как нужно освещать темы любви и семьи? Не разработаны и вопросы сатирического жанра. А сколько еще у нас путаницы в области литературного наследства!

Из статей, напечатанных в газете за последние полгода, привлекают внимание проблемно-теоретические статьи В. Кубилюса «Отображать типические черты советского человека» и В. Мозурюнаса «Правильно отображать жизнь». Авторы этих статей ставят и пытаются решить важные, принципиальные творческие проблемы, разбирая произведения со стороны не только тематики, но и художественного мастерства. К сожалению, двумя этими названиями, собственно, и исчерпывается список проблемных статей.

Важную роль может сыграть в газете хорошая рецензия. С рецензиями в «Литературе ир Мянас» далеко не благополучно. Газета проходит мимо многих значительных явлений литовской литературы.

А. Гудайтис-Гузявичюс закончил роман «Братья», в котором продолжает начатое в «Правде кузнеца Игнотаса» повествование о борьбе литовского народа за советскую власть. В журнале «Пергале» напечатана пьеса И. Марцинкявичюса «За Родину», посвященная событиям Великой Отечественной войны. Вышла в свет повесть А. Балтрунаса «В дальнюю дорогу». Появились за последнее время и другие новые произведения. Но они не нашли в газете никакого отклика.

Дело, впрочем, не только в количестве рецензий, но прежде всего в их нацеленности. Задача рецензента: **помочь читателю** разобраться в произведении, а писателю — увидеть и понять сильные и слабые стороны своего творчества.

Можно назвать содержательные рецензии, напечатанные в «Литература ир Мянас». Это рецензия В. Кубилюса на повесть Е. Симонайтите «Пикчюрнене» и рецензия И. Ланкутиса на сборник стихов В. Грибаса «Во имя мира». Но и две ласточки, как известно, весны не делают. От большинства же рецензий мы реальной помощи не получаем.

Что дает рецензия, в которой отсутствует глубокий **художественный анализ?**

В рецензии на сборник рассказов и очерков И. Довидайтиса «Беспокойный человек» Г. Тречокас уверяет, что писатель «сумел создать глубоко идейные и художественные произведения». Причина этого, по мнению критика, в хорошем знании писателем действительности. Это верно: без знания жизни полноценного произведения не создашь. Однако знание жизни — условие обязательное, но не единственное. И нельзя выводить только из него все достоинства произведения.

Было бы куда полезней, если бы критик не расточал неубедительные похвалы писателю, а подробней остановился на художественных особенностях сборника И. Довидайтиса, на композиции его рассказов, на диалоге, на языке. И. Довидайтису следовало бы указать на то, что язык его рассказов — бледный, книжный, что ему нужно наращивать свое языковое достояние. Как можно, разбирая произведение, не коснуться его языка? Это все равно, что в лесу не заметить деревьев.

Многие рецензенты раскладывают по отдельным полочкам достоинства и недостатки, рассматривают их в отрыве друг от друга и даже от самого произведения, не говоря уже о творчестве писателя в целом. Белинский писал когда-то: «Многие под критикою разумеют или охуждение рассматриваемого явления, или отделение в нем хорошего от худого: — самое пошлое понятие о критике!». Анализируя явление не в целом, а по частям, рецензенты к тому же часто впадают в противоречия.

В. Радайтис свою рецензию на сборник стихов Э. Межелайтиса начинает во здравие: для новой книги поэта характерно воспевание великих идей эпохи. А заканчивает весьма серьезным обвинением: в стихах «слабовато звучит мотив борьбы». Получается сложное построение: поэт вдохновлен великими идеями, но... идеи эти в его произведениях не одухотворены борьбой за новое, лишены пафоса борьбы, но... это, тем не менее, замечательный поэт! Так, чередуя взаимно исключающие друг друга характеристики, рецензент на каждом шагу рушит им же самим возведенные замысловатые сооружения!

Вызывает досаду и то, что рецензия совершенно не раскрывает своеобразия поэзии Э. Межелайтиса. Межелайтис — лирик; в его творчестве сильна фольклорная струя. Об этих очень важных сторонах поэзии Э. Межелайтиса автор рецензии не обронил ни слова.

Не удовлетворяют ни писателя, ни читателя рецензии, где серьезный и доброжелательный разбор подменяется наклеиванием на писателей готовых ярлычков.

А. Гаронас предпринял обозрение четвертой книги альманаха молодых писателей. С бесстрастностью регистратора подсчитывает он количество хороших и слабых произведений. И каждому автору дает безапелляционную, не подкрепленную конкретным анализом характеристику. По мнению критика, три поэта, представленные в сборнике, имеют уже свой «почерк». В чем же их своеобразие? Бр. Мацкявичюс «не повторяет старых мыслей и средств, бережно относится к слову, пишет конкретно». П. Ширвис — «сильный поэт, умеет передать настроение». Альг. Балтакис «высказывается свежо, просто, убедительно». И эти общие, **случайные** определения выдаются за разбор творчества молодых поэтов! Еще большим равнодушием веет от рецензии в той ее части, где критик походя оценивает других авторов альманаха: один пишет холодно, другой тонет в лозунгах, третий изображает жизнь слишком парадно.

Такая перечислительная, бездоказательная статья у читателя может вызвать только недоумение, а у критикуемых писателей — чувство законной обиды.

Чем серьезнее неудача писателя, тем глубже должен критик разобраться в ней, вскрыть ее причины, подсказать автору выход из тупика. А вот Г. Тречокас в рецензии на стихотворение В. Мозурюнаса, с незавидной легкостью заявляя, что конфликт в этом стихотворении выдуманный и способен вызвать только смех, даже не пытается раскрыть природу ошибки поэта. Выдергивая из стихотворения отдельные неудачные строки, критик заключает: «Комментарии не требуются». Нет, требуются комментарии, и к тому же квалифицированные! Требуются потому, что В. Мозурюнас — поэт хороший, а стихотворение у него, действительно, слабое. И важно выяснить, опираясь на знание творческого пути поэта, что же привело его к этой неудаче.

Задача критики, повторяю, не в том состоит, чтобы ставить писателям баллы или лихо «разделываться» с ними, а в том, чтобы воспитывать их. Вот этой благородной цели критика в «Литература ир Мянас» пока еще не служит.

У нашей газеты небольшой формат. Редакция вправе сетовать на нехватку места. Но и той газетной «жилплощадью», которая ей предоставлена, редакция пользуется неумело. Вместо поверхностных рецензий на отдельные стихотворения и юбилейных заметок, которыми пестрит газета, было бы полезней печатать серьезные, обобщающие статьи.

Кто же виноват в том, что наша газета не стала боевой литературной трибуной?

Виновато руководство ССП Литвы, не уделяющее своему детищу достаточного внимания. Виноваты и члены редколлегии газеты, не принимающие активного участия в ее деятельности. За последнее время редколлегия ни разу не собиралась; члены редколлегии, за исключением И. Шимкуса, не читают статей перед сдачей их в набор, не участвуют в составлении редакционных планов. Вся работа, по существу, передоверена молодым сотрудникам редакции, которые сами еще нуждаются в повседневном руководстве.

Но самый горький упрек мне хочется бросить ряду литовских писателей. Кто, как не мы, писатели, больше других повинны в том, что наша газета не выполняет стоящих перед ней задач? Мы забыли дорогу в редакцию нашей газеты. И получается заколдованный круг: писатели не пишут в свою газету потому, что она недостаточно авторитетна, а авторитета у нее нет потому, что в ней... не пишут писатели! Редакция привлекает к участию в газете писательскую молодежь, и это хорошо. Но плохо, что она не сочетает их выступления с выступлениями опытных писателей. Даже члены редколлегии не балуют газету своими выступлениями. Не помогают газете и такие писатели, как А. Гудайтис-Гузявичюс, Ю. Балтушис, Э. Межелайтис, К. Корсакас. Не хочу снимать вины и с себя; я тоже мало тревожился за судьбу газеты.

Почему видные наши писатели не пишут для газеты? Будем говорить откровенно: отчасти из боязни испортить приятельские отношения честной и прямой критикой. В редакции до сих пор бытует ложное мнение, что писателей, получивших известность, лауреатов Сталинской премии, критиковать «не положено». Играет роль и боязнь другого порядка: как бы не сделать ошибки! Так отсутствие принципиальности порождает молчальников в нашей среде.

Нет, мы не имеем права на молчание! «Литература ир Мянас» — наша газета, и мы, писатели, несем коллективную ответственность за ее отставание. И мне хочется сказать моим друзьям: больше любите свою газету, больше заботьтесь о ней! Тогда сами собой отпадут нарекания на газету, являющуюся органом Союза советских писателей Литвы.

Рабочие и служащие Сталинабадского ремонтного завода каждое воскресенье выезжают на автомашинах за город в живописные ущелья горных рек.

НА СНИМКЕ: стахановец завода слесарь-сборщик Владимир Пишулин на рыбной ловле.

Фото В. ЗАЙЦЕВА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ДВУЛИКИЙ ФАРФОР»

В статье под таким названием, опубликованной в «Литературной газете» 16 июня, был поставлен вопрос о неудовлетворительном качестве фарфоровых изделий массового потребления.

Заместитель министра местной и топливной промышленности РСФСР тов. А. Прокофьев сообщил редакции, что факты, изложенные в статье, подтвердились. Приняты меры для улучшения декорирования и форм фарфоро-фаянсовых изделий. Фарфоровые заводы будут с 1954 года специализированы, что даст возможность вырабатывать на более квалифицированных предприятиях продукцию улучшенного качества. Например, Дулевский завод будет освобожден от производства изоляторов и расширит выпуск сервизов и скульптурных изделий. В последнем квартале этого года организуется производство скульптур на Ленинградском заводе Главфарфора. Улучшается снабжение заводов сырьем высокого качества и топливом.

Объявлен открытый конкурс на лучшие столовые, чайные и кофейные сервизы, бокалы, вазы и т. п. Образцы, одобренные жюри, будут внедрены в массовое производство в 1954 году.

«ЗА ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ И ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ!»

Под таким заголовком 4 апреля в «Литературной газете» был опубликован обзор азербайджанской «Эдебият газети» («Литературная газета»).

Президиум Союза советских писателей Азербайджана, обсуждавший обзор, «считает правильной критику недостатков и ошибок «Эдебият газети». Президиум отмечает, что газета «не стала боевой трибуной азербайджанских писателей и работников искусства. На страницах газеты не появляются теоретические, проблемные статьи... Статьи, посвященные азербайджанской советской литературе и литературоведению, часто поверхностны, односторонни, содержат серьезные ошибки. На страницах газеты очень мало статей, посвященных благотворному влиянию великой русской литературы на азербайджанскую литературу».

Президиум ССП Азербайджана наметил конкретные меры по улучшению газеты «Эдебият ве инджэсенет» («Литература и искусство» — новое название газеты).

ФЕЛЬЕТОН

В общем, мелочь, но...

Во время обеденного перерыва токарь Авдеев стоял у буфетной стойки заводской столовой и выбирал, что бы ему поесть. За витринным стеклом среди блюд с табличками бросилась в глаза надпись: «Пашкет». Смешно стало — явно не та буква поставлена, и токарь с улыбкой сказал дюжему буфетчику Арапкину:

— Почему «пашкет»? Нельзя коверкать слова.

Если бы Арапкин промолчал, тем бы все и кончилось. Но с буфетчиком сделалось что-то странное.

— Но, но, — произнес он зловещим тоном. — Полегче!

— А что такое?

— Как что? Написано «пашкет» — значит пашкет.

— Арапкин, не валяй дурака, — вмешалась в разговор уборщица столовой Настя. — Что ты за человек, скажи, пожалуйста? Уж не первый толкует тебе, что надо «паштет», а не «пашкет». Взял бы да исправил, а то уперся, как бык.

— А ты чего встряла? — грубо оборвал ее буфетчик. — Тоже с критикой. Полегче!..

— Тебе грамотные люди говорят — это некультурность!

— А мне эти люди не указ. Таблички не мы расписывали. Сам директор Николай Палыч. Ошибка тут или некультурность — начальству виднее. А мое дело — не рассуждать. Мы кто? Мы — люди простые! Меня везут — я еду.

— Вот наплел, — проворчала Настя с сердцем. — Тьфу!..

Пока они вот так препирались, Авдеев стоял, то хмурился, то усмехался и думал: «Такой завод! Высокой культуры предприятие, крупнейшие инженеры, опытнейшие мастера, известнейшие в стране стахановцы, квалифицированнейшие кадры рабочих. Профессора и академики приезжают на завод, как в свою лабораторию, и не только учат других, но и сами кое-чему учатся здесь. А тут этакая чепуха! Явная описка, а невежда-буфетчик чорт знает что плетет, да еще ссылается на начальство».

Грубый тон буфетчика задел токаря за живое.

«Надо его проучить», — решил Авдеев и, войдя в конторку при кухне, спросил директора столовой. Тот оказался на месте. Интеллигентного вида человек, Бантиков по фамилии. Пожилой, маленький, с лысиной, выражение лица добренькое. Золотое пенсне на носу, белый халат, как у врача. Выслушал он Авдеева учтиво, понимающе сморкался в платочек, сокрушенно кивал головой, все твердил — да, да, да! Когда токарь в конце извинился за то, что побеспокоил директора по такому пустячному делу, тот запротестовал:

— Нет, дорогуша, это не пустяк. Ни, ни, ни! Тут, понимаете ли, дело в принципе. На такой мелочи человек виден. Например, я не скажу — меня везут — я еду. Я человек сам едущий, убежденный. А Арапкин, понимаете ли, вместо того, чтобы вежливо разъяснить, что тут нет никакой ошибки, позволяет себе такие слова!

— Позвольте, — оторопел Авдеев. — По-вашему здесь нет ошибки?

— А по-вашему есть? — заволновался Бантиков. — Сейчас мы установим, как написано в бумаге. Сейчас, сейчас, минуточку, — бормотал он, роясь в своем письменном столе. — Вот, пожалуйста! Видите, в калькуляции, которую мы получили из нашего комбината питания, точно написано «пашкет». Глядите — штамп и подпись. Сам Трифон Петрович подписал. Ошибки нет!

— Какие глупости! — вышел из себя Авдеев. — Это описка — у любого школьника спросите!

— Откуда мы знаем? — прямо в каком-то ужасе всплеснул руками Бантиков. — Что вы! Почему описка? Может, так и надо! Может, на сей счет есть какое-то специальное указание или решение! Ни, ни, дорогуша! Сам Трифон Петрович подписал!..

Несколько минут спустя Авдеев уже входил в контору комбината питания. Трифона Петровича он застал в кабинете. Это был грузный, рыхлый человек, известный на заводе своей нерешительностью и доходящей до анекдотов «осмотрительностью» в решении дел. Выслушав историю с «пашкетом», он сразу расстроился, стал чесать затылок.

— Гм... действительно, дело-то какое, а? — проговорил он. — Чорт знает, как тут быть. В общем, подумаем.

— О чем тут думать? — возразил в беспокойстве Авдеев, опять чуя что-то неладное. — Мировая проблема, что ли? Прикажите исправить — и все.

— Конечно, дело такое, что его можно решать самостоятельно, — согласился Трифон Петрович. — Если это действительно ошибка, мы исправим... Но, с другой стороны, сперва бы не мешало выяснить. Мы пошлем запрос...

— Запрос? По такому пустяку?

— Обязательно, — твердо сказал Трифон Петрович, но тут же поспешно добавил:

— А впрочем, можно и не посылать. Хотя, с другой стороны, ведь я лицо подчиненное. Если в номенклатуре Райпищеторга написано «пашкет», как без запроса менять? Знаете что, голубчик? Вы человек со стороны, зайдите, пожалуйста, к начальнику Райпищеторга Егору Евсеевичу Семкину, да и скажите, так, мол, и так, по-вашему, — ошибка. А то мне это, знаете, как-то неудобно. Еще скажут — учить вздумал!..

И решил Авдеев зайти после работы в Райпищеторг. Ради интереса. Кто же из этих пищевиков, наконец, возьмет на себя смелость ее исправить.

Вечером Авдеев сидел в кабинете у Семкина. Не в пример прочим, этот оказался дельным человеком. Едва только Авдеев начал объяснять, в чем дело, тот сразу схватил телефонную трубку и позвонил какому-то Антону Ананьевичу.

— Привет, Антон Ананьевич! Докладывает Семкин. Тут вопросик один, позволь обратиться. Дело вот в чем: в калькуляции блюд, которую я получил из вашего треста, написано «пашкет», а надо будто бы «паштет». Есть такое заявление от общественности. А? Исправить? Это у вас... х-хе!.. машинистка напутала? Ну, я же говорю — надо исправить. Добре. Есть. Исправим. До свиданья, Антон Ананьевич!..

И, положив трубку, энергичный Семкин сказал Авдееву:

— Все. Вы только заявленьице черкните. Номер паспорта, адресок...

Авдеев, подавив в себе ярость, написал заявление. И тогда Семкин поставил на бумаге размашистую надпись: «Исправить и доложить об исполнении». Он любовно вывел закорючку в конце своей фамилии и проговорил с удовлетворением:

— Порядок!..

***

Как-то на днях Авдеев рассказывал мне эту историю. Толковали мы с ним о пережитках, о бюрократизме, о перестраховщиках.

— Знаете, — говорил Авдеев с возмущением, — не могу понять, откуда берутся эти ихтиозавры, эти трусы с рыбьей кровью. Явная ошибка, не та буква, а эти боятся тронуть, потому что, видите ли, так написано в бумажке, а бумажка пришла сверху. Вы думаете, после Семкина все тут же и сделалось? Куда там! Бумага еще шла по инстанциям в обратном направлении почти неделю. Как вы это расцениваете?

— В общем, мелочь, конечно, но...

— Вот именно «но», — отозвался Авдеев, и мы оба улыбнулись.

З. ФАЗИН

НОВЫЕ КНИГИ НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

МИНСК. (**Наш корр.**). В связи с большим интересом, проявляемым белорусскими читателями к литературе стран народной демократии, республиканское издательство выпускает в переводе на белорусский язык ряд новых книг.

Выпущены сборник «Китайские рассказы» и «Примирение» Шандора Надь. В ближайшее время выйдут из печати «Избранные произведения» М. Садовяну, «Слово перед казнью» Ю. Фучика и сборник «Современная польская поэзия».

Воинствующий материалист

(К 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского)

I.

Он страстно жаждал революции, считал ее неотвратимой, близкой и своей блестящей деятельностью торопил ее приход. Со страниц «Современника», превращенного им в трибуну революционной демократии, Н. Г. Чернышевский разоблачал либералов, предающих народные интересы, и с необычайной силой логики и эрудицией показал несостоятельность всех доводов, которые выдвигали против революции ее враги.

Он обрушивался на выдуманный Мальтусом «закон», который и по сей день проповедуют реакционеры от науки, желающие оправдать бесчеловечную практику капитализма. «Когда истощаются все другие возражения против радикальных нововводителей (так назывались на страницах «Современника» революционеры. — **Г. Ф.**), то последним непреоборимым аргументом представляется невозможность увеличивать производство продовольствия с быстротою, соразмерною прогрессии, по какой люди имеют способность размножаться. Таким образом вопрос возвращается к тому самому положению, в какое поставлен был Мальтусом», — писал Чернышевский.

Эти строки содержатся в замечаниях к работе «Основания политической экономики» Д. С. Милля — произведению, которое в течение целого года из номера в номер печаталось в «Современнике». Перевел книгу и снабдил ее примечаниями и дополнениями сам Чернышевский. Совершенно необычным было и то, что основной текст набран был мелким шрифтом — петитом, примечания же переводчика выделены крупным, жирным шрифтом, и то что они по объему занимали больше места, чем основной текст...

И в самом деле, главным здесь были замечания переводчика. Под видом публикации трудов известного своей благонамеренностью буржуазного английского профессора Чернышевский в своих замечаниях дал уничтожающую критику основ буржуазной политической экономии.

Закон народонаселения и «закон» убывающего плодородия, пущенные в оборот английским попом Мальтусом и ставшие общим местом буржуазной политической экономии, являлись для Милля аксиомой. Чернышевский, детально разобрав все доводы буржуазных ученых, проанализировав приведенные ими исторические примеры, доказал, что ни в природе, ни в истории человеческого общества таких законов нет.

— Нищета происходит не от закона природы, а просто от человеческих отношений! — таков был вывод гениального исследования.

«Когда покупательная сила в руках одного человека, а голод находится в желудке другого человека, то пища для этого другого человека не будет произведена, хотя бы природа не поставляла никаких препятствий произвести ее». Пусть эти строки были тогда вычеркнуты красным карандашом цензора, но вся критика мальтусовского лжеучения подводила именно к этому выводу каждого внимательного читателя «Современника».

«Закона» убывающего плодородия не существует в природе. Словно обращаясь к тем, кто и по сей день считает высшим достижением плодопеременную систему земледелия, принятую в Англии и Голландии, Чернышевский писал: «...самые высокие формы нынешней плодопеременной системы далеко не составляют границы, до которой можно возвысить производительность сельского хозяйства, даже при нынешнем состоянии естественных наук, технологии и механики». С особой силой звучат эти слова сегодня, когда наша социалистическая промышленность дает сельскому хозяйству совершенные машины, а естественные науки разработали травопольную систему земледелия.

Мысль Чернышевского шла в том же направлении, что и мысль Карла Маркса, который за несколько лет до этого писал, что плодородие вовсе не такое уж природное качество почвы, как это кажется, что оно тесно связано с общественными отношениями...

В те дни, когда Чернышевский томился в ссылке в глухих урочищах Сибири, в Лондоне Карл Маркс писал о работе Чернышевского, показывающей все убожество Мальтуса и выдвигаемых им «законов», что «банкротство «буржуазной» политической экономии... мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский».

II.

В письмах к сыновьям из Вилюйского острога в 1877 году Чернышевский вспомнил о «своих заметках на книгу Милля». «Я там толковал о Мальтусе, будто о чем-то серьезном. А Мальтус — пустой шарлатан, на которого стоит лишь плюнуть». Его учение — одно из «направлений в науке, совершенно не заслуживающих внимания».

В глубине Якутии Чернышевский не знал, что заржавленное оружие мальтузианцев снова вытаскивалось из арсенала реакции, подновлялось и подчищалось. И, конечно, ему не было известно, что в немецком «Ежегоднике социальных наук» за 1881 год появилась статья «Чернышевский и Мальтус».

«Среди многочисленных противников Мальтуса вряд ли кто оказался более опасным для него, чем русский социалист Чернышевский, который, с помощью своего блестящего математического метода, как будто бы окончательно уничтожил мальтусову теорию народонаселения», — таким утверждением начиналась эта статья.

Вслед за похвалами «томящемуся в Сибири мученику» автор статьи нападал на русского исследователя. Он утверждал, что неомальтузианская пропаганда противозачаточных средств — единственный путь решения проблемы народонаселения.

Автором этой статьи был Карл Каутский — апологет неомальтузианства, лженаучной и человеконенавистнической теории, которая в наши дни получила такое широкое распространение среди правых социалистов, стремящихся продлить жизнь обреченного историей капитализма.

Величие Чернышевского в том, что он с позиций истинной науки доказал всю ненаучность, лживость мальтузианских теорий и определил их «служебное назначение» в борьбе с революционным движением.

Когда после двадцати лет каторги и ссылки Чернышевский был условно освобожден и водворен в Астрахань, он увидел, что разгромленные им еще в молодости ложные теории, якобы подкрепленные последними научными открытиями, снова получили широкое хождение. Несломленный, несгибаемый, он вступил в страстный бой против всякого рода старых и новых реакционных течений, в том числе мальтузианства, принявшего новое обличие.

Статья Чернышевского, в которой он, по существу, отвечал на проповедь Каутского и других неомальтузианцев, имеет свою историю и свою судьбу.

III.

«Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» — так называлась статья Чернышевского, опубликованная в сентябрьской книжке журнала «Русская мысль» за 1888 год. У нее был и подзаголовок: «Предисловие к некоторым трактатам по ботанике, зоологии и наукам о человеческой жизни». Подзаголовок этот должен был заставить думать «власти предержащие», что речь идет о природоведении, а не о злободневном политическом вопросе.

К сожалению, и редакторы Гослитиздата также поверили этому подзаголовку и, включая статью в десятый том полного собрания сочинений, сообщили, что не удалось установить имен авторов трактатов, «предисловием к которым является настоящая статья Чернышевского».

Из писем Николая Гавриловича и к редактору, и к издателю «Русской мысли» они могли бы легко узнать, что эта статья — лишь первая в ряду задуманных Чернышевским работ «о тожестве условий материального благосостояния с требованиями разума и совести».

Редактор «Русской мысли» В. А. Гольцев, приглашая «опального» Чернышевского в журнал, полагал, что тот согласится на все условия. Чернышевский же предложил журналу статьи против расизма и мальтузианства. Эти теории «теперь в моде, — писал он, — но они — продукт невежества». И он послал в «Русскую мысль» свою работу, показавшую всю несостоятельность мальтузианского объяснения явлений природы и раскрывшую классовую, политическую подоплеку мальтузианства.

В мрачные годы господства злейшего мракобесия ему удалось рассказать в своей статье ту «Историю мальтусовой теоремы», которую и в более либеральную эпоху цензор вычеркнул из гранок «Современника».

Лишенный права печататься под своим именем, Чернышевский подписался двумя словами: «Старый трансформист». Этот псевдоним подчеркивал, что автор статьи признает изменяемость и преемственность видов и что острие его критики направлено против мальтузианства, которому в свое время ошибочно отдал дань Дарвин.

По поводу этой ошибки Дарвина Энгельс писал Лаврову, что «все учение Дарвина о борьбе за существование — это просто-напросто перенесение из общества в область живой природы... буржуазно-экономического учения о конкуренции наряду с теорией народонаселения Мальтуса». Признавая и высоко оценивая в учении Дарвина теорию развития, Энгельс отмечал, что дарвиновский способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) является «всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта». В свои тетради Энгельс записывал, что развитие видов «может происходить и фактически происходит **без всякого мальтузианства**».

Чернышевский ничего не знал и знать не мог о письмах Энгельса к Лаврову, — они были опубликованы много лет спустя после его смерти. Он ничего не мог знать и о других, сходных по мысли записях Энгельса, — они вошли в «Диалектику природы», изданную лишь после Октября. Тем разительнее совпадение идеи Чернышевского с идеями Маркса и Энгельса в этом вопросе.

Зная, что на страницах «Русской мысли» ошибка Дарвина превозносится, может быть, даже больше, чем его великие открытия, и хорошо чувствуя революционный заряд своей статьи, Чернышевский писал А. Н. Пыпину: «Я полагаю, что Гольцев не найдет возможным принять мое сотрудничество».

И он не ошибся. Редакция вначале отказала, но после гневной отповеди Чернышевского, желая числить его сотрудником журнала, решила напечатать статью, снабдив ее примечанием, в котором в вежливой форме отмежевывалась от высказанных в ней мыслей и словно оправдывалась в том, что поместила ее.

Это примечание глубоко возмутило Чернышевского.

«Никакого и ничьего, кроме цензорского посредничества между мной и типографией я не допускаю», — писал издателю «Русской мысли» Чернышевский. В противном случае, продолжал он, «мое сотрудничество невозможно».

Для пропаганды передовой, революционизирующей общество науки он готов был использовать и страницы либерального буржуазного журнала, но он не мог допустить, чтобы либералы использовали его в своих интересах. И если обещанные им статьи в дальнейшем не появлялись, то в этом прямая вина либералов, которые в полном единодушии с реакцией принудили тогда к молчанию великого русского революционера. После двадцати с лишним лет страданий и унижений, каторги и ссылки, в условиях, специально созданных для того, чтобы согнуть человека, притупить его разум, — преследуемый клеветой либералов, Чернышевский остался таким же воинствующим революционером, каким был в «Современнике».

«Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма...» — писал В. И. Ленин. И непонятно, почему наши исследователи так мало останавливались на работах Чернышевского, опубликованных в 1888 году, в частности на статье «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь».

Многие положения, развитые в этой работе, которую замолчали представители кастовой буржуазной науки, оказались созвучными основным идеям мичуринской биологии, выпестованной великой партией коммунистов.

В дни дискуссии мичуринцев с вейсманистами идеи Чернышевского зазвучали с новой силой.

Нет в природе «закона» убывающего плодородия! Он выдуман своекорыстными невеждами. Когда цель земледелия — удовлетворение нужд народа, а не капиталистическая прибыль, — действует «закон возрастания земледельческого продукта», о котором, борясь с мальтузианцами, говорил Чернышевский. И разве вся история нашего колхозного строя не подтверждает правильности этой гениальной догадки великого русского революционера!

Геннадий ФИШ

В СПОРЕ СО СХЕМОЙ

В журнале «Звезда» напечатана пьеса Г. Леберехта и Ф. Эйнбаума «Утро наших лет».

Начало пьесы, действие которой происходит на торфобрикетном предприятии в Эстонии в 1947 году, настораживает. Едва появившись на сцене, действующие лица начинают говорить о ходовых колесиках торфоуборочной машины, которую изобрел директор предприятия Михкель Удрас, и об усовершенствовании, которое придумал взамен этих колесиков Лео Абель — молодой стахановец того же предприятия. В душу закрадывается тоскливое опасение. Боишься, что пьеса и дальше покатится на этих колесиках по проезженной колее, где главным двигателем сюжета станут конструктивные отличия двух вариантов торфоуборочной машины, а события будут развиваться по схеме, иронически охарактеризованной в новых стихах А. Твардовского: «Она и он — передовые, мотор, запущенный впервые, парторг, буран, порыв, аврал, министр в цехах и общий бал», с необходимыми поправками на особенности технологического процесса.

Действительно, в пьесе есть утомительно-подробные и плохо отредактированные разговоры на технические темы, отнюдь не несущие большой действенной нагрузки. Но в главном пьеса, к счастью, не только не развивается по ведомственно-производственной схеме, но и во многом полемизирует с ней.

Полемическая направленность в пьесе персонифицирована в образе молодого художника Эрика Луйка. Стремясь выразить свое новое миропонимание, он работает над картиной, главным объектом которой делает торфоуборочную машину. Такой замысел, разумеется, терпит неудачу. В конце пьесы художник Луйк показывает удавшийся, наконец, эскиз будущей картины. Ее герои — люди, а не машина.

История картины Луйка, хотя мы и начали с нее, не является в пьесе ни главной, ни удавшейся. По замыслу она — внутренний авторский комментарий к пьесе. В нем, видимо, отражены и раздумья драматургов, когда они решали, что должно стать фоном, а что основой сюжета в будущем произведении, и спор с критикой, — пожалуй, несколько запоздавший, и предуведомление театру, что пьесу нужно ставить, как пьесу человеческих отношений, а не как популяризацию технических проблем... Ну что ж. Было бы странно возражать против права драматургов выразить в пьесе свой взгляд на задачи искусства, хотя рассуждения о картине Луйка излишне назидательны и потому скучны.

Важнее, что авторы пьесы не только заставили одного из своих героев произнести и притом, как говорится, «со значением» совет — не заслонять людей машинами, но и сами последовали этому совету.

В их пьесе есть характеры, есть предыстория человеческих отношений, которые развиваются и обостряются на наших глазах — и на наших глазах приводят к конфликту. Поэтому «Утро наших лет» интересно читать и будет, думается, интересно смотреть на сцене.

Талантливый и смелый конструктор Михкель Удрас любит вспомнить время, когда он — сын эстонского крестьянина — был студентом в Петербурге и строил смелые планы, что, став инженером, поможет своим землякам, осушая болота, создавая для этого умные машины.

Прошла молодость, пришла зрелость, а планам его так и не суждено было осуществиться, хотя он сделал неплохую, по понятиям старой Эстонии, карьеру — стал главным инженером на торфяном предприятии Фромгольда Свердрупа.

Но пусть лучше расскажет о себе сам Михкель Удрас, тем более, что он, как и большинство персонажей пьесы, говорит речью образной и своеобычной. Вот сцена, где Михкель Удрас в разговоре с Екатериной Великановой, новым врачом предприятия, вспоминает о своем прошлом: «...когда немолодой инженер, эстонец, нанятый по объявлению в газете, задумал помочь грабарям... машиной, еще примитивной, собранной своими руками, первой торфяной машиной, — начались его муки... муки бессилия... унижения. (Показывает в окно). Вот она... лежит, опутанная корнями!.. Не пошла... Фромгольд Свердруп перебрал тогда клавиши арифмометра, словно танец смерти сыграл. О, он умел владеть клавиатурой... чистогана! Он даже на интересы рабочих ссылался всякий раз, когда я входил к нему с чертежами... полубольные, с гриппозной температурой грабари... просили меня о том же!.. Разве это не унижение творчества... бессилие машин! (Сжимает кулаки). О, он меня голодать заставил... все те годы... этот пахнущий мышами господин!

Великанова. Правда? Даже на хлеб не хватало, Михкель Юханович?

Удрас. Что? Ну, ну... будем точны. Сливки и кофе у меня были. Но чечевичная похлебка этих проклятых душителей народной инициативы как раз тем и ужасна, что она не насыщает. Разочарование и опустошенность!.. Вечный... вечный духовный голод!».

Мы намеренно привели такую большую выписку. Образ Михкеля Удраса не прост, и не просты его монологи. Ошибку совершит исполнитель, если в только что приведенном куске передаст лишь горечь воспоминаний. Но ошибку совершит и тот, кто услышит в этих словах лишь рисовку, лишь нарочитое подчеркивание былой враждебности к Фромгольду Свердрупу или одно только желание понравиться Великановой. Ошибку, — потому что в этих словах Удраса есть и первое, и второе, и третье — есть сложное подводное течение воспоминаний, мыслей, невысказанных чувств. Разумеется, не все струи этого течения равно важны. Важно, что Михкель Удрас в этой сцене, как и в других, где он вспоминает о прошлом, по-своему искренен. Он до поры до времени не понимает, что служил не только у Фромгольда Свердрупа, но и Фромгольду Свердрупу, и что служба эта не только помешала ему в прошлом осуществить свои технические проекты, но и наложила тень на его душу, лишила веры в людей, сделала эгоистом, подрезала крылья его любви. Ненавидя Свердрупа, считая себя его духовным противником, он тянулся к свердруповскому укладу жизни, потому что в буржуазной Эстонии этот благополучный и бездушный уклад был признаком, что человек хоть чего-то добился... И в новую жизнь Удрас вошел с грузом старых привычек и представлений. Таков он в начале пьесы...

Он не видит, как робко и жадно тянется его жена Тийна за пределы отведенных ей забот о его — Михкеля Удраса — покое и уюте. Он глух к первым изобретательским попыткам Лео Абеля, а стремление механика Яана Варблы внести свой вклад в создание новых машин истолковывает, как проявление зависти к нему — Михкелю Удрасу — талантливому, известному.

Машина, над которой он работает, закрыла ему глаза на все, и он не понимает, что не окружающие его люди — для машины, а машина для них...

В этом интересном, психологически правдивом образе драматурги убедительно показали, что бездушный техницизм — пережиток обесчеловечивающего буржуазного строя.

Быть может, сторонникам сглаженного письма покажется, что эти черты чрезмерно сгущены в образе Удраса. На наш взгляд, это — оправданное обострение образа.

Не только для Удраса и для Тийны — его жены — годы жизни во владениях всесильного торфяного князька не прошли бесследно. Когда-то она была скромной чертежницей, содержала мать, помогала неудачнику-брату, но не оставляла мечты о большом, настоящем счастье, о настоящей, смелой работе. Ее неожиданно уволили... И тогда она вышла замуж за Удраса, стала хозяйкой дома, обеспеченного, благополучного. Нет, это не было просто браком по расчету. Удрас нравился ей... Но теперь, оглядываясь на прошлое, Тийна с острой тревогой спрашивает себя: «...А вдруг я сама себя продала?.. Все продавалось: торфяные угодья, дома, заводы, люди, совесть, женщины... За работу, за обеспеченную жизнь жаворонка в клетке... Ты мне нравился... Но, может быть, я сама себя уговорила, усыпила?»

Механик Яан Варбла... Еще одна судьба, еще один характер — желчный, угрюмый, но сильный. Не захотел он когда-то угодить хозяину Соонтага, и тот, с мстительностью самодура, не давал ему ходу.

Из прошлого тянется тяжелая неприязнь Варблы к Удрасу. Яан давно безответно и молчаливо любит Тийну. И любя ее, знает, что когда она раздумывала, выходить ли ей замуж за Удраса, именно он — будущий муж ее, попросил Свердрупа уволить молоденькую чертежницу, чтобы отрезать ей путь к самостоятельности, пусть скромной, но самостоятельности.

Но Варбла хранит этот секрет. Он подавляет в душе недобрые чувства к своему начальнику, пока не узнает, что на чертежах машины, спроектированной Удрасом, осуществлено то самое предложение Лео Абеля, от которого директор недавно так пренебрежительно отмахнулся.

Плагиат? Попытка выдать изобретение рабочего за свое?

Вероятно, именно так развивались бы события в плохой пьесе. И почти так истолковывает их Варбла: да, попытка присвоить чужой труд и чужую славу.

Столкнувшись со второй ложью Удраса, он решает раскрыть на него глаза Тийне и тут уже рассказывает все: и давнюю историю с ее увольнением и новую — с работой Лео Абеля.

И Тийна уходит от мужа. И мы понимаем — она права: за благополучие, основой которого была ложь, рано или поздно надо расплачиваться.

А как же изобретение Лео? Здесь все оказывается сложнее и неожиданнее, чем думал Варбла. Нет, чертеж начинающего рационализатора не стал основой конструкции новой машины. Но именно этот чертеж напомнил Удрасу, что, кроме пути, по которому он пошел вначале, есть и другой, и именно на этом пути, подсказанном чертежом Лео Абеля, он одержал победу.

Образ Лео Абеля не принадлежит к числу удач этой пьесы. Но и у этого персонажа одна по-настоящему интересная сцена. Варбла обращает внимание Лео, что салазки на машине Удраса похожи на эскиз Лео. Но Лео Абель не чувствует себя ни обойденным, ни обиженным: «Мой чертеж только чуть похуже оказался директорского? Самого товарища Удраса? Так ведь это... это значит, он вроде как бы полностью одобрил мой чертеж! Значит — вышло? Ура!»

Так отвечает Варбле юность новой Эстонии, которой ничего не страшно, которая знает, что у нее все впереди. Так торжествует главная тема пьесы — гибель старых чувств: зависти, недоверия, соперничества, своекорыстия...

И в этом новом ясном мире — мире дружбы, взаимной помощи и поддержки, в мире, где все делается для человека и во имя человека, — окружающие не хотят простить Михкелю Удрасу его вины, хотя формально, как говорится, он перед Лео Абелем и не виноват. Но он виноват в том, что только себя считал создателем новой машины, лишь в себе видел творца славы нового Соонтага, не понимая, сколько бескорыстного труда, сколько настоящего творчества вкладывают в общее дело все окружающие его люди.

В пьесе глубокая человеческая вина Удраса не становится предметом административного разбирательства на заседании. Да и вообще следует заметить, что в пьесе Леберехта и Эйнбаума обошлось без заседаний. Трудные столкновения с Варблой, с Луйком, с Тийной заставляют Удраса задуматься над своей жизнью. Уход Тийны знаменует начало душевного перелома.

Такова история человеческих отношений, о которых рассказывает эта пьеса. Она названа авторами драматической повестью, а по существу является драмой с сильными столкновениями сильных характеров. Оправданно и необходимо место ее действия. Старые пни на торфяных болотах с их цепкими корнями, которые нелегко убрать с дороги, означают нечто большее, чем объект для испытания корчевальной машины. Они — образное воплощение старых чувств, которые тянутся за человеком из прошлого и с которыми талантливо и страстно воюет эта пьеса. В пьесе Г. Леберехта и Ф. Эйнбаума много мест, которые представляют собой выражение ее главной идеи, сгущенное в образе. В самый напряженный и тяжелый для Удраса момент перед ним появляется брат жены Эрик Луйк, который любит забавы ради принять иногда обличье старого Свердрупа и заговорить его голосом. Вот эта сцена:

«Дверь распахивается, и в нее кувырком, через голову, вваливается неизвестный, подкатываясь к ногам Удраса.

Неизвестный (воющим голосом). Я червь земной! Я — Свердруп!.. Я, мертвенький, хватаю живых за ноги!..

Удрас. Эт-то еще что?.. Ты, Эрик?.. Да ты пьян, болван!..»

Всего несколько строк, коротенький эпизод, но как его можно сыграть, и какое значение приобретает он для третьего действия, драматический финал которого подготовляет!

Пусть только ни драматурги, ни театр не дадут себя уговорить, что такой прием недопустим в реалистическом театре.

Образность — основа искусства и одно из самых могучих средств театра. Когда режиссеры и актеры находят для спектакля выразительное, образное решение сцены, основанное на образном строе пьесы, такие места запоминаются надолго. В них может раскрыться весь замысел роли, а иногда и всего спектакля. Позволим себе здесь отступление, чтобы привести пример. Казалось бы, в пьесе «На дне» Горького нет более противоположных характеров, чем странник Лука и хозяин ночлежки Михаил Костылев. Однако проповедь Луки утверждает господство Костылевых. Но как воплотить эту бесспорную мысль на сцене?

Спектакль «На дне» Сталинградского драматического театра... Сцена за сценой вслушиваетесь вы в благостный говорок профессионального утешителя Луки: «Потерпи еще! Все, милая, терпят... Всяк по-своему жизнь терпит...» Что это? У кого в том же спектакле слышали вы эту елейную поповскую интонацию? «Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта — она превыше всех благ». Нельзя было актерскими средствами беспощаднее разоблачить Луку, чем заставив зрителя на мгновение услышать в голосе Луки голос Костылева.

А вот другой пример, на этот раз противоположного характера.

На сцене одного из театров, ставящих «Живой труп» Л. Толстого, превращение Протасова в камере следователя из обвиняемого в обвинителя играют так. Когда начинается монолог: «Живут три человека: я, он и она», исполнитель роли Протасова постепенно переходит на место следователя, а следователь занимает место обвиняемого. И на сцену падает тень от огромного указующего перста режиссера, который спешит на помощь зрителю со своим прямолинейным комментарием.

Мы позволили себе это отступление, потому что пьеса Г. Леберехта и Ф. Эйнбаума дает основание поговорить о сценической образности.

Образность пьесы «Утро наших лет» заключена и в репликах действующих лиц: когда мы, например, еще ничего не знаем о чувствах Варбла к Тийне, а он, уходя из ее дома, благодарит, что согрелся у ее огонька; и в мотиве эпического героя Калевипоэга, который проходит символом могучего труда через пьесу, и во многом другом. Но наряду с настоящей художественной образностью, подсказывающей театру поэтическое решение спектакля, в пьесе есть дурная, наивно-иллюстративная образность, которая может привести к примитивному выражению авторской мысли. Особенно жаль, что сравнение старых чувств с глубокими корнями болотистых пней, прозвучав в начале пьесы, как эмоциональное зерно спектакля, от многократного повторения превращается в нравоучительную притчу, в аллегорию, к тому же обстоятельно растолковываемую под занавес, как будто она и без того не понятна зрителю. Но это еще не все. В первых картинах пьесы — в репликах и ремарках — подчеркиваются сохранившиеся в квартире Удраса черты быта ее прежнего хозяина Свердрупа, и это оправдано. Упоминаются среди этих примет прошлого мрачные тисненые обои. В последней картине, когда Удрас уже прошел через тяжелый душевный кризис, на стенах появляются новые, светлые обои. Символика, право же, не лучшего вкуса!

Здесь мы подходим к самому большому недостатку пьесы. Ее финал решительно не удался драматургам. В нем на сцену вырвались те самые драматургические схемы и штампы, с которыми всем строем своего произведения полемизировали Леберехт и Эйнбаум. Чтобы предшествующий разрыв Тийны и Удраса не стал выглядеть, как пустая размолвка, чтобы не убить в «драматической повести» драму, последняя картина — возвращение Тийны — должна быть сдержанной, строгой, сильной. К сожалению, она написана не так: «Раздвинутый во всю длину стол празднично сервирован. В центре стола — алые пионы. В радиоприемнике — тихая лирическая музыка». «...Входит Тийна в бежевом платье с кружевным воротником, с хрустальной вазой в руках». Таковы ремарки. Появление Тийны не неожиданность для Удраса. Он догадался о нем, когда увидел на банкетном столе... редис, нарезанный розочками, как никто, кроме Тийны, не умел нарезать.

Длительные восторги по поводу убранства стола почти заглушают слова Тийны: «Я знаю, ты не будешь возражать, чтобы твоя жена училась в политехническом институте и стала инженером-торфяником». Да и слова эти, уныло-информационные, отписочные, не могут быть развязкой драмы, которая возникла из долгих и трудных человеческих отношений.

Нет, не удалась драматургам последняя картина. Но, быть может, это вполне исправимый недостаток? Может быть, она просто не нужна? Ведь в предшествующей картине, когда Удрас понял, что должен пересмотреть всю свою жизнь, пьеса кончилась. И это была хорошая пьеса.

Сергей ЛЬВОВ

Ганс Леберехт, Федор Эйнбаум. «Утро наших лет». Драматическая повесть в четырех действиях. Журнал «Звезда». № 4. 1953 г.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРИЗВАНИЕ

Человек и его профессия — тема, завоевавшая прочное место в литературе последних лет. И это естественно: выбор профессии у нас — это не просто выбор будущей специальности, это поиски пути применения таланта, поиски своего призвания.

Тому, как человек открыл свое дарование, нашел свое «место в жизни», посвящена повесть молодого писателя Владимира Дудинцева «На своем месте».

Герой повести двадцатилетний Федор Гусаров в поисках большого всепоглощающего дела прибыл в таежный поселок, на фосфоритный комбинат. Здесь его ждала неудача. Гусаров попал в ремонтно-механическую мастерскую и не обнаружил призвания к работе токаря. Начальник мастерской Царев ревниво следил за успехами тех, у кого «душа прилипла к металлу», а с неудачниками обращался подчеркнуто холодно. Федор попал в их число.

Насмешкой, недоверием, пренебрежением гасил мечты юноши Царев. Но весь строй нашего общества таков, что талант задушить нельзя, и Федор нашел свое призвание, «редкое», как говорит один из героев, — призвание быть клубным работником.

Обычен герой повести, будничны его поступки: поговорил с начальником управления о клубе, написал заметку в стенную газету с критикой этого начальника. И только. Но на этих обыденных поступках молодой писатель ставит большие проблемы воспитания принципиальности, смелости, воспитания характера.

Впервые юноше довелось обратиться к начальству, и вот в кабинет управляющего он вошел, «словно прыгнул с большой высоты», и по мягким его дорожкам шагал, словно преступник в чужой комнате. И хотя разговор этот не дал внешних практических результатов, он имел глубокое внутреннее значение — начался процесс мужания характера, юноша ощутил вкус борьбы, уверовал в нужность того, что делает. Писатель продолжает испытывать своего героя, он проверяет его «на самой великой и тонкой пробе для человека» — на любви без взаимности к инженеру Антонине Сергеевне Шубиной, и здесь Федор обнаруживает силу характера, красоту души. Юноше суждено пройти еще более тяжкое испытание: начальник управления Медведев решает, что строящемуся Дому культуры нужен более образованный директор! «Не ставить же, в самом деле, директором человека, имеющего едва-едва девять классов!»

Но «отстранить» Федора от его любимого дела уже нельзя. За него вступаются коллектив, парторганизация.

Федор Гусаров — один из самых привлекательных героев повести, в нем все в движении; писатель показал становление характера, кристаллизацию чувств молодого человека, показал, как профессия по призванию меняет характер человека, определяет его позицию в обществе.

Юношеской мечтательности Федора противостоит в повести зрелость таланта Алябьева. Главный инженер Алябьев смел, решителен, безукоризненно честен. Автор награждает его самым щедрым даром — любовью к людям, и люди отвечают ему взаимностью. Но если за всеми поступками Федора стоит мир его чувств, то Алябьев — скорее эталон положительного человека, нежели живой, реальный человек. И дело не в том, что Алябьев лишен слабостей, — сила его не раскрыта в действии.

Вл. Дудинцев любит недосказанность. иной раз он пользуется этим приемом удачно — это сообщает произведению поэтичность, лиризм. Но иной раз эта недосказанность мешает раскрыть глубину чувств героев. Так, эмоционально скупо описана в повести любовь Алябьева и Антонины Сергеевны Шубиной. Писатель умеет передать поэзию чувства через описание жеста, движения. Вот молодая женщина увидала Алябьева, и в глазах ее появился «ласковый туман, как у близорукого человека, потерявшего очки», услышала его фамилию и «сжала платочек в руке и стала оглядываться».

Эти описания приоткрывают нам мир чувства, переживаний молодой женщины. Но, кроме таких скупых деталей, мы почти ничего не узнаем о любви Алябьева и Антонины Сергеевны. И, несмотря на всю свою поэтичность, любовь эта проходит через повесть скорее как символ любви, чем как живое и реальное чувство.

Одна из особенностей дарования молодого писателя в том, что, утверждая красоту будничного, повседневного, он как бы все время воюет с внешней эффектностью ложного романтизма, сталкивает романтизм устремлений с реалистической «фактурой» воплощения этих устремлений. По заметке Федора приезжает, например, в поселок библиотекарша. Приезд ее романтичен. «Прочитала Вашу заметку... и попросилась, чтоб послали. — говорит она Федору... — Меня давно уже тянет именно в такое место. Где ничего нет, где начинай сначала. Где тебя ждут!». Но все поступки этой пожилой, сухонькой женщины прозаически обыденны; вот она достала где-то молоток, надела серый халатик и начала раскладывать книги. И подлинная романтическая красота — в молотке, в ящиках, где спрятаны книги, в буднях ее жизни. И наоборот. Автор развенчивает внешнюю эффектность, красоту, если за ней не стоит красота чувств, души. Инженер Фаворов, по утверждению всех персонажей произведения, — красавец-мужчина. «Картина, а не человек», — говорит о нем плотник Самобаев. Но автор снимает, уничтожает эту красоту. Фаворов суетен, уверен в своей неотразимости, эта уверенность и в его походке и в том, как он поет «навзрыд вибрирующим фальшивым баритоном». Еще более активно проявляется пошлость этого человека в другом. Фаворов видит, что Антонина Сергеевна и Алябьев любят друг друга. Все персонажи произведения оберегают это чувство, боятся задеть его нескромным взглядом или неосторожным словом. Но Фаворову такая тонкость чувств недоступна. Встречаясь с Алябьевым и Шубиной, он постоянно произносит одну лишь фразу: «Надо будет жене прописать, жене прописать».

Борьба с ложной красивостью проходит через всю повесть, находит свое отражение и в ее языке. Автор вводит в ткань повествования прозаизмы, порою даже канцелярские обороты и таким образом «приземляет» текст, «снижает» его чрезмерную приподнятость. Однако в своей боязни ложной красивости, с одной стороны, штампов — с другой, молодой писатель иногда теряет чувство меры — пишет чрезмерно усложненно, порой даже косноязычно. «Для каждого барак был только уголком быта и сна», — говорит он, например, о рабочем общежитии. Сложная, загроможденная фраза, не позволяющая четко увидеть описываемое, открывает собой повесть: «В ту позднюю осень, — пишет автор, — когда с Фосфоритного комбината через тайгу отправился украшенный полосами кумача поезд, увозя в вагонах первые тонны тончайшего желтого порошка, поселок Рудничный состоял всего лишь из двадцати длинных бараков, построенных наскоро на дне пологой впадины из тех сосен, что были спилены здесь же, на месте».

Дудинцев любит бытовые детали. Любит и умеет воспроизводить народный говор, умело пользуется речевой характеристикой для индивидуализации образов героев.

При помощи одной только вопросительной интонации изобличает автор приспособленца Середу. Середа — председатель постройкома, человек вялой мысли и равнодушного сердца. Это чеховская «душечка» — службист. Приспосабливаясь к начальству, он уже и мыслит так, как оно того желает. В превосходном диалоге на партбюро — весь Середа. Решается вопрос о том, быть или не быть Гусарову зав. клубом. Алябьев спрашивает об этом у Середы:

«— Что ж, я думаю, возьмем? — Середа посмотрел на Медведева.

— Это что — ответ или вопрос? — сказал Алябьев. Все засмеялись. — Хе-хе... Я думаю, ответ? — опять спросил Середа, и снова грохнул дружный смех».

Много раздумий вызывает эта маленькая, емкая, плотно спрессованная повесть, обо всем не расскажешь в газетной статье. Но есть в ней важная черта, о которой нельзя не сказать, — это отсутствие благодушия, успокоенности. Автор изобличает своих отрицательных персонажей, но не упрощает борьбу с ними, не снимает их немедленно с должностей, не наказывает их «организационно», как это часто бывает в наших произведениях. Поэтому читаешь повесть Дудинцева и думаешь, что, может быть, где-то меж нами находятся и равнодушный Медведев и приспособленец Середа, и воевать с ними — наша задача. Положительным героям произведения также свойственна неудовлетворенность достигнутым, святое недовольство.

Много достигнуто самим писателем. Герой его прежнего сборника рассказов «У семи богатырей» был тоже простой, обыкновенный человек, и там писатель открывал необыкновенное в обыкновенном, красивое в повседневном и будничном. Но тема в этих рассказах решалась более прямолинейно, это был ствол, на котором еще не было зеленых листьев и крепких сучьев. Сейчас листья выросли — повесть получилась поэтичной, мужественной, вдумчивой. Писатель, как и его герои, нашел свое место, свою тему, но ему еще не хватает глубины раскрытия характеров и чувств, иногда — определенности.

С. БАБЕНЫШЕВА

Владимир Дудинцев. «На своем месте». Повесть. «Новый мир» № 6. 1953 г.

Без поэзии...

За последнее время был подвергнут критике ряд произведений, в которых рабочие изображены только как участники технологического процесса.

К сожалению, некоторые писатели справедливые упреки критики восприняли, как своеобразный совет вообще обходить такие «неблагодарные» темы, как цеховой труд рабочего с его неизбежной техникой.

Производство в таких, говоря условно, «производственных» романах выглядит, в лучшем случае, бледным фоном, а профессиональная, трудовая деятельность любящих, ревнующих, мечтающих героев стыдливо замалчивается.

Нет нужды доказывать, что подобная творческая «линия» является линией наименьшего сопротивления.

Весьма показателен в этом отношении роман Г. Молостнова «Голубые огни».

Александр Макарович Колыхалов, бывший главный инженер шахты «Бис», ныне выпускник областной партийной школы, назначается парторгом ЦК на шахту «Первая», успехи которой весьма сомнительны; план угледобычи выполняется здесь путем штурмовых усилий рабочих.

Очень привлекает стремление молодого писателя отобразить жизнь руководимого партией трудового коллектива, как непрерывную борьбу нового со старым, борьбу за культуру труда, ритм, высокие экономические показатели.

Важно только увлекательно рассказать об этой борьбе. Но, увы, Колыхалов живет в романе почти вне своего дела. Автору не удается опоэтизировать увлекательный труд партийного организатора. Нельзя же, право, считать поэтической находкой такое, например, изображение деятельности парторга ЦК.

«Александр Макарович набрасывал тезисы своего выступления на комсомольском собрании, которое должно было состояться в понедельник.

«Мы располагаем прекрасной горной техникой, — писал он пункт третий, — необходимо добиться механизации всех процессов работы, повсеместно ввести дистанционное управление. Тяжелые врубовые машины, скребковые транспортеры, мощные электровозы, породопогрузочные машины загрузить до отказа».

Технологическая инструкция! И она, увы, не единственная в романе.

Парторг Колыхалов частенько спорит о методах руководства с начальником шахты Горюновым. И эти места мало удаются автору, и здесь не «высекается» искра...

Вот одна реплика парторга.

«—Пока они сами не поймут порочности своих методов руководства или пока не поставят этих руководителей перед фактом необходимости сложить полномочия по несоответствию сегодняшнему дню».

Надо думать, что за этими сухими строками стоят живые люди и их трудовые отношения. Вот тут бы и раздвинуть эти строки, отшелушить безликие, стертые слова и зримо показать, что же кроется за непонятными для читателя терминами!

Высококультурная, ритмичная, согласованная работа людей — та же поэзия! Как близкую мечту, видят ее многие наши хозяйственники, инженеры, рабочие, стремящиеся на своих предприятиях к совершенным формам труда и высокой его организации. Так почему же инженер человеческих душ должен бежать от раскрытия этой поэзии, от смелого и полнокровного показа дерзания человека в труде?

Но, может быть, автор, не раскрыв по-настоящему своих героев в труде, сосредоточил свое внимание на других сторонах их жизни?

...Много места уделено в романе любви Колыхалова к красавице шорке Зое Николаевне. Есть в описании этой любви теплые страницы, но все же в целом она раскрыта неглубоко, без серьезного проникновения в психологию героев. К тому же при описании отношений Колыхалова и Зои автор впадает в литературщину, начинает говорить нарочито «красиво», цветисто. Вот ревнивые мысли пришли в голову Колыхалову, и автор комментирует: «Пусть замирает, горит огнем и холодеет его сердце!..»

Гораздо увереннее чувствует себя автор, тверже делается его перо, вернее глаз, когда он касается тайги, в которой встречаются Колыхалов и любимая им девушка. Картины дикой природы выписаны щедро, со вкусом. Автор, видимо, знает и любит природу. Хороши сцены охоты. Живо написана «вставная новелла» — рассказ Гордея Степановича о своей трагической любви в юности. Правдивыми чертами наделен бригадир Бабашкин, старый шахтер, тоскующий о своем давно погибшем друге.

Но вот вы снова на шахте, и знакомая скука одолевает вас.

Нет поэзии в труде горняков Смыслова, Бабашкина, Хазирова, Ткачева. Вяло рассказано о соревновании двух шахтерских бригад. Рассказ этот утяжелен техницизмами. Что такое, например, «пробивать вспомогательный комплект»? Или: «добычные смены», «остается в полметра присуха за комбайном», «низок бар по нашим пластам», «конвейерные штреки», «подтяжные лебедки», «люкогрузчики» и т. п.? Это излишество техники на страницах романа призвано заменить в данном случае поэтическое проникновение в существо трудовой жизни. Но замена эта неравноценна. Разве мало поэзии, например, в том факте, что умная машина — комбайн пришла в забой и заменила ручной труд горняка? Почему же так мало и так неинтересно рассказывает автор о машине и о людях, овладевших ею?

Сюжет «Голубых огней» движется отнюдь не силой «внутреннего сгорания». Не столкновения характеров, но борьба взглядов или естественные жизненные противоречия влекут вперед сюжет. Внешние, случайные, не вытекающие одно из другого, а как бы вдруг, «для интереса» придуманные автором события чередуются на страницах романа.

Неожиданно объявляется фронтовой друг Колыхалова инженер Пухарев, изобретатель угольного комбайна. Колыхалов считает его давно погибшим, но нет, вот он, живой, прислан на должность районного инженера! Друзья тепло встречаются, и, конечно, комбайн Пухарева выручает шахту.

А не явись Пухарев со своим комбайном? Не воскресни он чудесным образом? Чем занимался бы Колыхалов тогда?

Случайно девушка Маша становится жертвой аварии — током ей обжигает лицо и руку. Для чего это событие нужно в романе — непонятно. Так же неожиданно мы узнаем, что старый горняк Гордей Степанович, ныне комендант общежития молодых рабочих, выписанный подробно, но приторно, решил удочерить Машу.

Бригадир Бабашкин надумал вдруг одарить детей поселка игрушками. Теряя чувство меры, автор рисует почетного горняка этаким разгулявшимся купчиком, пожелавшим сделать доброе дело для души: нагружает двенадцать (!) подвод подарками, а инициатора этой затеи Бабашкина усаживает на место кучера. Весь этот «свадебный поезд» приезжает на площадь поселка, где и происходит довольно нелепая сцена раздачи игрушек.

Г. Молостнов как бы подыскивает все новые и новые внешние эффекты, которые помогли бы ему вести вперед повествование. Так, внезапно возникает авария в шахте, заканчивающаяся благополучным спасением всех людей. Передовая бригада горняков Смыслова обогащается новаторским методом через посредство... жены Бабашкина Марии Прохоровны. Как откровение, рассказывает она горнякам «производственный секрет» мужа: Савелий Никитич-де бурит не на глубину одного метра, а на глубину метр двадцать сантиметров! Опытные горняки, члены передовой бригады, вызывая улыбку недоверия у читателя, наивно восторгаются: «Скорее бы кончился выходной день! У меня сейчас такое чувство... Ну, понимаешь, сердце поет. Если удастся применить удлиненные шпуры, это, знаешь, какая победа!»

И только того не учитывает автор, что и движение романа и полнота показа жизни зависят, употребляя терминологию горняков, не столько от «поверхностной вскрыши», сколько от «глубоких проходок» писателя в материал.

Только на больших глубинах залегает истинная поэзия. И ее-то не нашел автор, который мог бы сделать роман произведением, полным увлекательной поэзии труда.

Ал. БЫЛИНОВ

Г. Молостнов. «Голубые огни». Роман. Журнал «Октябрь». №№ 4, 5. 1953 г.

НАВСТРЕЧУ IV ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ

ПОДГОТОВКА В АНГЛИИ

Джон МОСС,
секретарь Коммунистического союза молодежи Великобритании

Английская молодежь с радостью встретила известие о том, что в августе в Бухаресте состоится четвертый Всемирный фестиваль молодежи и студентов в защиту мира и дружбы. Тотчас же начались приготовления к фестивалю. Все молодежные организации, выразившие желание послать своих делегатов в Бухарест, были приглашены на специальное заседание, созванное Британским комитетом подготовки к фестивалю.

Пятьдесят пять молодежных организаций, национальных, районных и местных, послали своих представителей на это заседание. Сто тридцать делегатов и наблюдателей, подлинных представителей английской молодежи, прибыли, чтобы заслушать доклад Бена Бирнбаума, председателя комитета подготовки к фестивалю. «Главная задача,—сказал он,—которая стоит перед нами, — добиться участия широчайших слоев молодежи с тем, чтобы наша делегация представляла большее число молодых людей Англии, чем когда-либо раньше.

Кто может участвовать? Любые юноша и девушка. Фестиваль открыт для всех, независимо от расы, вероисповедания и убеждений. Нет никаких преград и ограничений! Всех радушно приглашают принять свободное и равное участие в фестивале».

Этот призыв к участию в четвертом Всемирном фестивале молодежи прозвучал в момент, когда перед народом Англии и, конечно, ее молодежью открываются широкие перспективы.

Мирные шаги правительства Советского Союза, растущее движение за мир в капиталистических странах, включая и Англию, вселяют новые надежды, укрепляют уверенность в победе дела мира.

Требование прекратить войну в Корее встречает самую широкую поддержку среди английской молодежи. В Тисайде, например, молодые консерваторы, лейбористы и коммунисты выступили с совместным, обращенным к парламенту заявлением о прекращении огня в Корее.

Все большее развитие приобретает широкое движение против планов милитаризации, угрожающих настоящему и будущему британской молодежи.

В последнее время крупнейшие организации, представляющие миллионы рабочих, охваченных лейбористским и профсоюзным движением, приняли резолюции в пользу сокращения сроков военной службы. Среди них — национальные профсоюзы котельщиков, конторских и административных служащих, Национальный союз служащих коммунального хозяйства, Национальный союз мебельщиков, союзы горняков Южного Уэльса и Шотландии и другие.

Один из наиболее влиятельных союзов металлистов—Объединенный союз инженеров и техников, охватывающий примерно 900 тысяч членов, единодушно решил на собрании своего национального комитета начать кампанию за сокращение срока военной службы. Многие районные отделения лейбористской партии, а также ряд лейбористов — членов парламента поддерживают требование немедленного сокращения срока военной службы.

Вернемся, однако, к приготовлениям, связанным непосредственно с фестивалем.

Молодые рабочие различных отраслей промышленности весьма энергично готовятся к фестивалю. Они выражают желание встретиться с молодыми рабочими той же профессии из других стран, чтобы обменяться опытом и совместно бороться за защиту своих прав.

В фестивале будет участвовать много молодых металлистов из Глазго — традиционного центра фабрично-заводского ученичества, города, где в прошлом году провели всеобщую забастовку двадцать тысяч учеников.

Молодые горняки Южного Йоркшира мечтают показать свое спортивное искусство. Футбольная команда молодежи из горняцкой деревушки в Южном Йоркшире также совершит путешествие в Бухарест. Эта команда до сих пор не знала поражений в соревнованиях с другими молодежными командами.

И другие спортсмены — юноши и девушки — поедут в Бухарест; среди них будут боксеры, атлеты, баскетболисты, пловцы. Многие из них — победители на британских олимпиадах.

Сотни публичных митингов, концертов, выставок, показов фильмов и других мероприятий, популяризирующих фестиваль, уже проведены. Но мы знаем, что сделано еще недостаточно. Некоторые группы молодежи еще не осведомлены как следует о фестивале. Надо объяснить и сделать понятным всем слоям молодежи, в какой мере их надежды на будущее, на мир, на лучшую жизнь могут найти выражение в этом молодежном празднике. Фестиваль готовы поддержать молодые люди самых различных политических и религиозных взглядов.

Вот один из убедительных примеров. Молодой английский священник Том Кольвин, член подготовительного комитета четвертого Всемирного фестиваля, выступая в Бухаресте по случаю создания комитета, сказал:

«Фестиваль будет выдающимся событием на пути к всеобщему миру, дружбе и справедливости. Он поможет разрушить преграды ненависти, страха и недоверия. Таким образом, молодежь всего мира будет объединена мирными, дружескими отношениями.

Я лично сделаю все возможное, чтобы обеспечить широкую поддержку фестиваля молодыми людьми в моей и других организациях.

Благородные идеи фестиваля — мир, единство, национальная независимость, лучшая жизнь и дружба между молодежью всего мира — отвечают жизненным интересам британской молодежи. Молодые люди, активно готовящиеся к фестивалю в Англии, сознают свою ответственность и те широкие возможности, которые предоставит им фестиваль».

Английская молодежь собирает средства не только для своих делегаций, но и для «фондов солидарности», с тем, чтобы помочь молодым людям Малайи и Кении принять участие в фестивале.

Молодежь — большая сила в борьбе за мир. Верные традициям, которые привели к созданию Всемирной федерации демократической молодежи, верные духу нашего Британского фестиваля молодежи в Шеффилде, английские юноши и девушки, готовясь к четвертому Всемирному фестивалю, усиливают активность, крепят единство своих рядов в борьбе за мир и дружбу между народами.

ЛОНДОН, июль.

Молодые лондонцы проходят по улицам города с барабанами, призывая молодежь принять участие в фестивале.
Снимок из английской газеты «Дейли уоркер»

На Всемирный конгресс молодежи

25 июля в Бухаресте начнет свою работу III Всемирный конгресс молодежи. В огромном зале Флоряска, где будет заседать конгресс, заканчиваются последние приготовления. 1350 человек сможет вместить этот зал. Здесь оборудуется установка для одновременной передачи выступлений делегатов на семи языках: русском, французском, английском, немецком, румынском, китайском и испанском.

В Бухарест продолжают прибывать все новые делегаты конгресса. Уже приехали посланцы Австралии, Новой Зеландии, Бразилии, Вьетнама, Бирмы, Ямайки, Португалии и многих других стран.

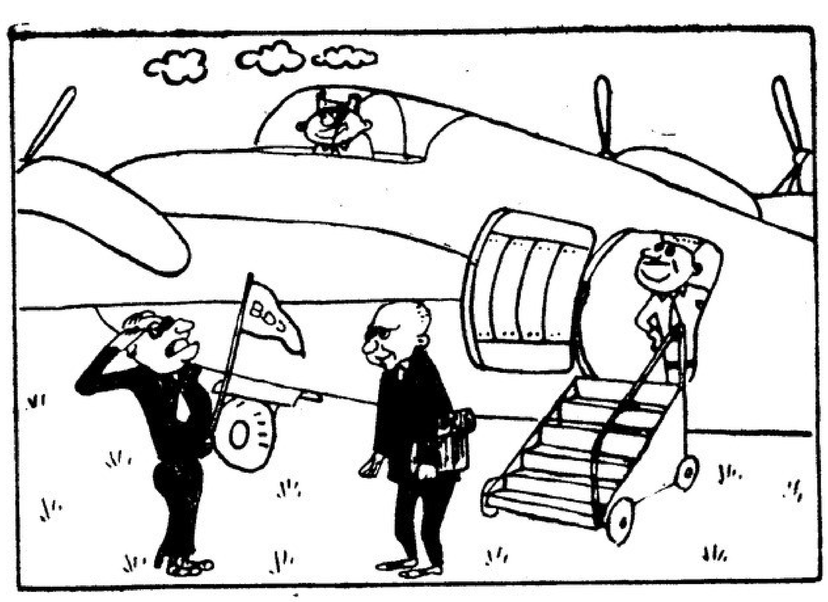
Генеральный секретарь Национального конгресса в Африке У. М. Сисулу пишет: «Горячо приветствуем идею созыва Всемирного конгресса молодежи. Считаем, что нужно сделать все для того, чтобы осуществить взаимопонимание молодежи всех стран. Это будет большим вкладом в дело мира во всем мире».

КАРИКАТУРЫ, КЛЕЙМЯЩИЕ ПРОВОКАТОРОВ

Население Германской Демократической Республики заклеймило как врагов мира фашистских провокаторов и их западногерманских и заокеанских вдохновителей, учинивших беспорядки в демократическом секторе Берлина.

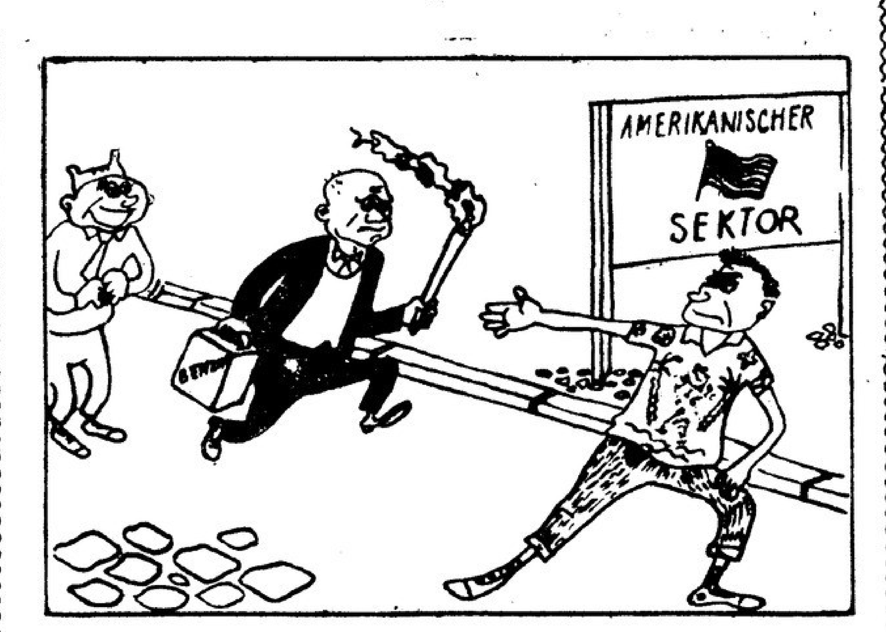
С гневным обличением организаторов и участников этих бесчинств выступили рабочие, крестьяне, интеллигенция. Художники-карикатуристы выразили свой гнев и свое презрение пером и карандашом. В их едких рисунках фашистские авантюристы выставлены на всеобщее обозрение и осмеяние, пригвождены к позорному столбу.

Несколько таких карикатур, посвященных провалившейся фашистской провокации 17 июня в Берлине, мы перепечатываем сегодня из немецкого сатирического журнала «Фришер винд», выходящего в Берлине.

В Западный Берлин прилетел боннский министр провокаций Якоб Кайзер—организатор «дня икс». Кайзер выходит из самолета, который пилотировали иностранные летчики. Его встречает человек с флажком бандитско-террористической организации «Союз немецкой молодежи» в руке и лихо рапортует:

— Господин Кайзер! Мы не смогли, к сожалению, выстроить для встречи вашу лейб-роту, так как она в полном составе отбыла в Восточный Берлин для учинения беспорядков!

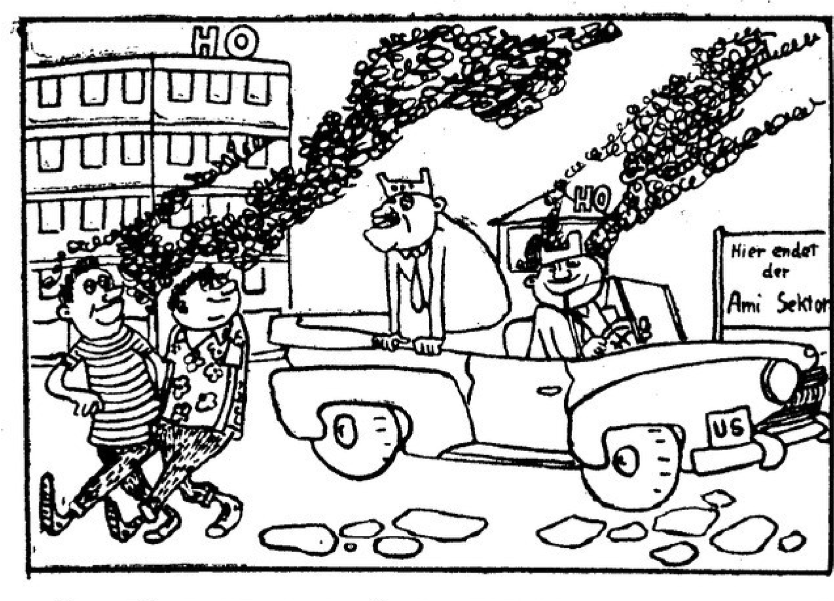
«Эстафета поджигателей» — так названа эта карикатура.

У границы американского сектора в Берлине топчется в ожидании фашистский бандит характерного обличья: коротенькие брюки («брючки три четверти» называют их берлинцы), техасская рубашка навыпуск. Боннский министр Якоб Кайзер передает ему «эстафету» — горящий факел и бидон с бензином. Американский офицер довольно потирает руки...

Два головореза пойманы на месте преступления. Пылает подожженный ими киоск государственной торговли. А бандиты жалуются на «несправедливость»:

— Вот она, их свобода! Киоск поджечь — и то не дают!..

У столба с надписью: «Здесь оканчивается американский сектор» некий американский чин на фоне горящего здания магазина государственной торговли ГДР благодарит громил:

— Что, парни? Здорово воюем за западную культуру!..

И вот фашистское отребье явилось в ведомство Кайзера за обещанной мздой:

— Что? Всего пять марок на рыло? А мы-то старались! Подожгли магазин и несколько автомашин! Да еще нахватали синяков от рабочих, которых должны были взбунтовать!..

* * *

В смехе народа над провокаторами звучат не только гнев и презрение. В нем — сила людей, твердо знающих, что никакие погромщики в техасских рубашках и никакие техасцы в стане погромщиков не обманут и не запугают немецкий народ, стремящийся к воссоединению своей страны на мирной демократической основе.

Гангстеры-законодатели

Американский буржуазный журналист Лестер Вели недавно поместил в журнале «Ридерс дайджест» серию статей, в которых рассказал о коррупции, существующей в законодательных органах отдельных штатов Америки.

Как известно, в США в различных штатах действуют различные гражданские и уголовные законы. Одно и то же деяние в некоторых штатах может считаться преступлением, тогда как в других оно вполне правомерно. Так, например, обстоит дело с «синдикатами азартных игр», являющимися в настоящее время излюбленным «бизнесом» американского преступного мира. В одних штатах эти синдикаты действуют открыто, в других — запрещены и могут функционировать только нелегально.

Организации гангстеров, владеющие прибыльными «синдикатами азартных игр» и желающие добиться легализации своих заведений, подкупают членов законодательных органов штатов. А часто гангстеры поступают еще проще: сами пролезают в палату представителей и сенат того или иного штата.

Что представляют собой «синдикаты азартных игр»? Это доведенная до огромных масштабов система грабежа населения. Путем наглой рекламы, сулящей игрокам сказочное богатство, в эту систему втягивается множество людей. Один из самых распространенных в Америке видов игры — заочный тотализатор. Гангстеры, владеющие в каком-нибудь штате ипподромом или треком, создают на территории этого района десятки и сотни так называемых букмекерских контор. В дни скачек или «собачьих бегов» в букмекерских конторах, куда поступают по телеграфу все сведения с тотализатора, принимаются ставки. В игре, таким образом, участвуют десятки тысяч человек. При этом результаты состязаний зачастую бывают фальсифицированы. В любом случае владельцы сети игорных притонов безошибочно кладут в карман огромный куш.

Когда деморализующее влияние на общество подобного «культурного мероприятия» становится особенно чувствительным, возникает естественная реакция: обманутое население требует запрещения деятельности гангстеров-букмекеров. Но тогда оказывается, что ничего сделать нельзя: ряд депутатов в законодательных органах подкуплен гангстерами или же в эти органы пробрались сами гангстеры.

«С помощью скаковых и беговых пари, игорных автоматов, рулетки и «игры в числа» крупные синдикаты преступников,— пишет журнал «Ридерс дайджест», — выкачивают из карманов американцев приблизительно по 20 миллиардов долларов ежегодно — сумма, которая дает им возможность подкупать не только городские муниципалитеты, но даже законодательные органы штатов».

И гангстеры подкупают... В законодательном собрании штата Флорида вокруг одного законопроекта развернулась борьба между двумя соперничавшими гангстерскими игорными «организациями» и голоса «законодателей» поднялись в цене до 5 000 долларов за каждый. В Техасе при голосовании одного закона голоса покупались «поштучно» — за 2 500 долларов. В штате Нью-Йорк представитель гангстерского синдиката «распределил» среди наиболее влиятельных «законодателей» 150 000 долларов, чтобы они внесли поправки в закон об азартных играх.

К своеобразной форме подкупа прибег, по рассказу Лестера Вели, «Жокей-клуб» в штате Нью-Гэмпшир, имеющий ипподром для скачек в Роккингэм-парке. «Жокей-клуб» нанял тридцать членов законодательного собрания к себе на работу и платил им по 18 долларов в день. После этого владельцы клуба могли не опасаться принятия закона о запрещении букмекерских притонов. Другие синдикаты делают законодателей «пайщиками» своих предприятий.

Пожалуй, наибольшей власти достигли гангстеры в штате Иллинойс, в котором находится Чикаго — город, издавна известный как цитадель преступного мира. Орудующий здесь синдикат наследников Аль Капоне завоевал прочные позиции в законодательных органах штата.

«Представители чикагских гангстерских организаций, — свидетельствует Вели, — действуют в самом законодательном собрании. От шести до восьми мест сенаторов и членов палаты представителей принадлежит гангстерам, избранным от «Западной стороны» Чикаго. Они всегда голосуют заодно, и эта группа известна под именем «блока Западной стороны». Храбрец тот депутат или даже губернатор, кто осмелится действовать наперекор этому блоку».

Силой денег, а подчас и средствами террора, шантажа, запугивания эти шесть-восемь гангстеров пытаются добиться преобладающего влияния в делах штата. Лестер Вели рассказывает, что «блок Западной стороны» «провалил все, кроме одного, законопроекты, внесенные чикагской комиссией по борьбе с преступностью».

Один из членов сената штата Миссури в прошлом году заявил с трибуны, что в миссурийском сенате действует «группа сенаторов, обслуживающая интересы организованных гангстеров». Во Флориде законодательные органы годами безуспешно бьются над тем, чтобы урезать в пользу штата некоторую часть 200-миллионного дохода с принадлежащих гангстерам «собачьих бегов». Член палаты представителей этого штата Б. Одхэм не так давно признал: «Наш законодательный орган контролируют гангстеры. Если не пресечь это, коррупция разрушит демократию так же, как рак разрушает человеческий организм».

Автор статей в «Ридерс дайджест» открыто пишет, что законодательные учреждения многих штатов заражены коррупцией. «Во многих штатах нашей страны, — заявляет он,— гангстерам нет необходимости нарушать законы. Они сами творят эти законы. Они делают это через законодателей штатов, оплачивая расходы по их избранию. Они делают это через «машины» политических партий, в которых являются боссами. Они делают это, нанимая «лоббистов», которые устраивают «угощения» для законодателей, или хулиганов, которые их терроризируют».

Проникновение «преступного мира» в органы законодательной власти штатов стало в США настолько распространенным явлением, что, как видим, даже такой реакционный журнал, как «Ридерс дайджест», вынужден был откликнуться на эти факты серией статей.

Франсиско де Са ПИРЕС,
профессор

Размышления бразильского врача

Я сидел у окна своего номера в гостинице и, любуясь голубым небом Москвы, размышлял:

— Несколько недель тому назад я уехал из Бразилии, оставил там своих пациентов, свою семью и друзей. Сколько интересного довелось увидеть и услышать за эти дни! Сколько пришлось пережить! Сколько замечательных вещей запечатлелось в памяти на всю жизнь!

Вместе со своими бразильскими коллегами я приехал в мае этого года в Вену, на Международный конгресс врачей, куда съехались представители медицины более чем тридцати государств, чтобы в обстановке самого дружеского взаимопонимания обсудить вопрос о том, в какой степени условия жизни людей в разных странах отражаются на состоянии их здоровья.

Оглашенные на конгрессе цифры и факты говорят о крайне тяжелом состоянии медицины во многих районах мира. А огромная смертность в полуколониальных и зависимых странах составляет одну из самых печальных страниц в истории мировой медицины. Горячо и взволнованно обсудили делегаты конгресса страшные последствия применения атомной бомбы в Хиросима и Нагасаки.

Вместе со своими коллегами я поклялся в Вене бороться за улучшение условий жизни своего народа.

В Советский Союз я и мои коллеги прибыли, движимые чувством огромного интереса. В самом деле, что известно, допустим, врачам Бразилии о советской медицине? Очень мало, почти ничего. А интерес к советской медицине среди бразильских медиков огромен. Учитывая это, группа бразильских врачей решила начать выпуск журнала «Новости медицины и биологии». Таким образом, можно будет широко пропагандировать замечательные достижения медицины страны социализма. Через посредство этого журнала общественность Бразилии получит возможность широко ознакомиться с учением И. Павлова, работами В. Филатова и других крупнейших представителей советской медицины.

Мне, врачу, живущему и работающему в Бразилии, очень хотелось узнать, как в такой огромной стране, какой является Советский Союз, осуществляется медицинское обслуживание в сельских районах. Ведь на моей далекой родине медицинское обслуживание трудящихся и особенно крестьянства, составляющего две трети населения страны, находится на крайне низком уровне.

Орошая не принадлежащую ему землю своим потом, кровью и слезами, бразильский крестьянин трудится от зари до зари. Тяжелые условия жизни и хронический голод, невежество и неграмотность, а также антисанитарные жилищные условия, отсутствие какой-либо помощи со стороны государства — все это в огромной степени подрывает сопротивляемость крестьян болезням. Все это и является причиной высокой смертности и огромного числа заболеваний среди крестьянства Бразилии.

Если в сельских районах страны медицинское обслуживание населения находится, как я уже сказал, на крайне низком уровне, то немногим лучше обстоит дело и в городах.

В некоторых из них, расположенных в сельскохозяйственных районах, можно изредка встретить маленькую больницу с небольшим числом коек. Но, за самым редким исключением, рядовому человеку почти невозможно получить медицинскую помощь, — она стоит очень дорого...

В Бразилии оказание населению медицинской помощи возложено на так называемые медицинские и санитарные пункты. Но в действительности эти учреждения не в состоянии оказывать населению какую-либо эффективную помощь, так как они прежде всего не располагают достаточным количеством коек для размещения больных.

Если мы в качестве примера возьмем штат Сан-Пауло, в котором медицинское обслуживание населения по сравнению с другими штатами страны находится, вне всякого сомнения, на более высоком уровне, то увидим, что из 305 его муниципиев (районов) лишь только 100 имеют медицинские пункты.

В северо-восточном районе штата Сан-Пауло, насчитывающем около 2 млн. жителей, два года тому назад в гор. Бауру была построена больница. Но до сих пор она из-за отсутствия дотации со стороны государства так и не вступила в строй. В других северо-восточных штатах Бразилии, где свирепствуют эпидемии, голод и засуха, подрывающие здоровье населения, абсолютно ничего не делается для оказания медицинской помощи обездоленным крестьянам.

Вполне понятно поэтому желание бразильских врачей ознакомиться с медицинским обслуживанием населения Советской страны, особенно в сельской местности. Это желание было удовлетворено. Нам предоставили возможность посетить в Калининском районе Московской области одну из многочисленных сельских больниц, существующих в Советском Союзе. В этой маленькой, но играющей большую роль больнице, которая обслуживает более 5 000 крестьян, работают четыре врача и 11 человек среднего медицинского персонала. Я узнал, что в этом сельском районе имеется пять подобных больниц и, кроме того, восемь врачебных амбулаторий и восемь фельдшерских пунктов, которые оказывают населению района всю необходимую медицинскую помощь. Я и мои коллеги имели возможность наглядно убедиться, как в советской деревне предупреждаются болезни. Мы увидели, что советские врачи, проводя воспитательную работу среди населения, подвергают его регулярно профилактическому медицинскому осмотру.

И вот бразильский врач, обогащенный опытом в результате посещения Советского Союза, размышляет:

— Что же можно было бы сделать для крестьян и сельскохозяйственных рабочих Бразилии, практически лишенных какой-либо медицинской помощи, для облегчения их положения?

Ведь такие болезни, как трахома, дистрофия, и многие другие беспощадно подрывают здоровье бразильских крестьян. Как важно, думал я, чтобы мы, врачи, потребовали от правительства Бразилии улучшить тяжелые условия существования крестьян. Я вспомнил также о проблеме подготовки врачей на своей далекой родине. Я с уважением думал о своих коллегах, которые обучают подрастающую молодежь, о своих учителях, которые лучшие годы своей жизни отдали медицине. Медицинские институты Бразилии выпускают ежегодно около полутора тысяч врачей, а население страны составляет 55 миллионов.

Вспомнились мне и трудности, с которыми сталкиваются преподаватели, работающие в плохо оборудованных лабораториях. Вспомнились студенты из народа, на пути которых становятся преградой классовые привилегии; таким студентам приходится вести самоотверженную борьбу за то, чтобы получить диплом.

Но вот молодой человек успешно закончил высшую школу. В Советском Союзе лечебные и научные учреждения посылают Министерству здравоохранения заявки на молодых специалистов. В Бразилии же молодой врач предоставлен самому себе, а если он хочет работать в каком-либо лечебном учреждении, он сможет поступить туда, как правило, только лишь благодаря протекции.

Мы посетили в Советском Союзе институт педиатрии, сельские детские ясли, пионерские лагери. И мы убедились, что защита здоровья детей является для советских людей священным законом. И теперь, вспоминая детей Бразилии, я думаю о высоком проценте детской смертности в моей стране. Ведь даже в нашей столице из каждой тысячи новорожденных умирает 155...

При посещении в Ленинграде Института экспериментальной медицины,— несомненно, одного из великих достижений страны социализма — мы, бразильские врачи, вспомнили о том, что в нашей стране имеется лишь единственное экспериментальное учреждение: институт «Мангиньос». В этом скромном институте работали такие ученые, как Освальдо Крус, Карлос Шагас, Кардосо Фонтес и другие, чьи научные труды в области бактериологии и эпидемиологии широко известны. Мы вспомнили, как, не получая никакой помощи от правительства, проводил свои ценные медицинские исследования Витали Бразил.

Ознакомившись с прекрасной организацией Института охраны труда ВЦСПС в Ленинграде, где до мельчайших деталей изучаются все виды охраны труда рабочих, я с грустью подумал о том, как мало еще сделано в нашей стране в этой области, и о том, как распространены среди рабочих Бразилии профессиональные заболевания из-за отсутствия должной охраны труда на предприятиях.

...Ночь уже спустилась над городом. А я все сидел у окна московской гостиницы. Врач из далекой Бразилии думал о том, что по возвращении на родину он отдаст все силы борьбе за мир. Ибо только в условиях мира можно будет добиться улучшения условий жизни его народа.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02826.